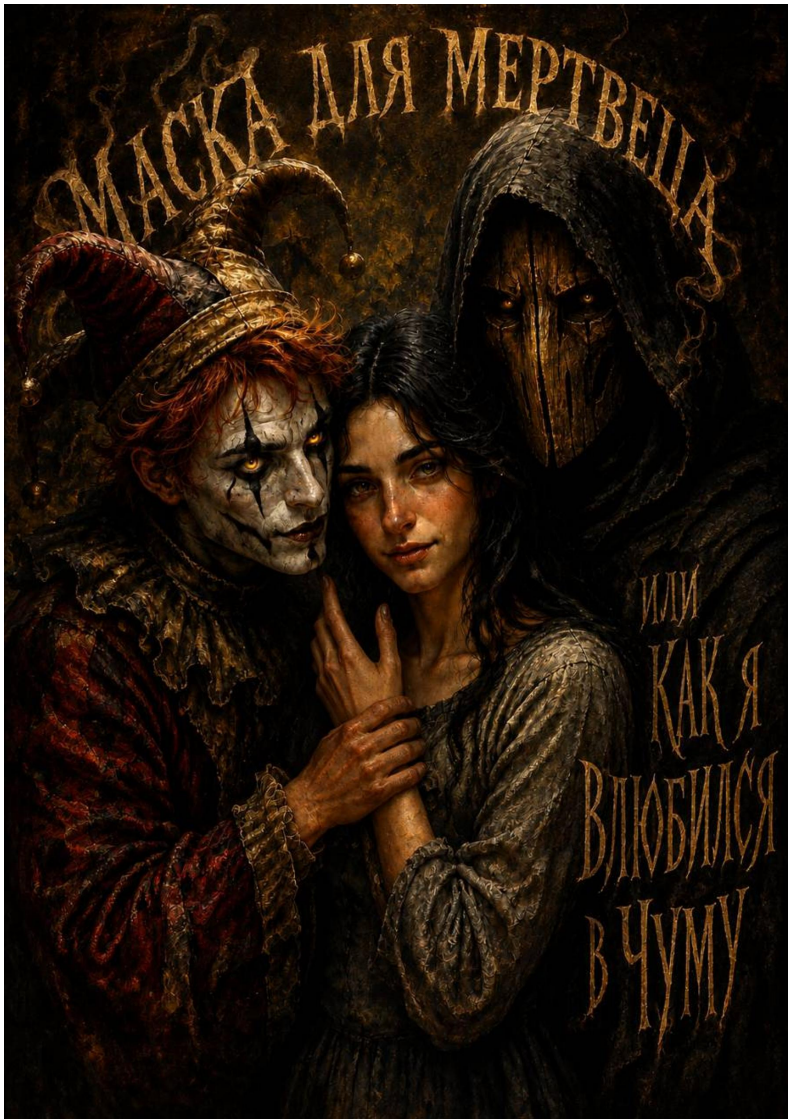

МАСКА ДЛЯ МЕРТВЕЦА

ИЛИ
КАК Я
ВЛЮБИЛСЯ
В ЧУМУ

Айлин Крайт

Маска для мертвеца, или Как я влюбился в чуму.

<https://litres.ru/74314003>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Королевстве Астерия смех стоит дешево, а страх продается на вес золота. Я — официальный поставщик и того, и другого.

Меня зовут Альд Вейнхольт. Шут Его Величества, размалеванный идиот, развлекающий пьяную знать — работа мечты, если вам нравится, когда вас бьют тростью по свежим переломам. В качестве хобби — Глава Тайной Канцелярии, человек, который знает все грязные секреты этого королевства.

Когда по столице начала расползаться «Тихая весна» — болезнь, дарующая блаженный покой через смерть, — мой долг найти источник заразы. Я нашел его в своей собственной спальне.

Поздравляю, Альд, ты влюбился в биологическую угрозу категории «А».

Теперь я разрываюсь между двумя желаниями: сдать врага Святому Престолу (потому что инструкции никто не отменял) или запереть её подальше от чужих глаз (потому что без её рук я разваливаюсь на части).

Пришло время выбирать: позволить чуме поглотить
Королевство молча, или возглавить эпидемию самому.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	65
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Маска для мертвеца, или Как я влюбился в чуму.

Пролог

Медь париков воняла прогорклым жиром и пудрой. В Большом зале Вейльгарда было нечем дышать — воздух стал густым от пота, духов и дешевого вина. Я перекувырнулся через спину барона дю Плесси прямо посреди менуэта. Барон крикнул, пролив бургундское на камзол графа Ренара.

Граф зарычал. Графиня ахнула. Придворные захлопали в ладоши, решив, что это часть представления.

Я вскочил на ноги, поклонился с самым идиотским изяществом, на которое был способен, и спрятал лицо за бубенцами колпака. Внутри меня тошнило. Не от качки. От этого зала. Тысяча пульсирующих сердец били вразнобой: страх измены у казначея, похоть старого маршала, головная боль леди Изольды. Симфония гниения. Мой дар Резонанса превращал этот бал в пытку раскаленным стеклом. Каждый их грех царапал мне барабанные перепонки.

— Пошел вон, паяц, пока я не велел тебя выпороть! — просипел Ренар, пытаюсь стереть вино с рукава.

Я сделал вид, что споткнулся о собственную тень, нелепо взмахнул руками и врезался лбом в напудренную грудь

посла Северных земель. Посол икнул от неожиданности, а я втянул носом запах его одеколона. Страх. Липкий, холодный. Он боится возвращаться домой. Боится жены. Интересная информация, но сейчас бесполезная.

Вчера Ион доложил: во дворец снова занесло споры. «Тихая весна» распускалась под шелком аристократии, как черная плесень. Садовники уже здесь. Они где-то среди этих танцующих мертвецов по духу.

Проблема в том, что найти их взглядом почти невозможно.

Они выглядят слишком живыми. Слишком здоровыми. Болезнь латает серебряную нить души так идеально, что человек начинает светиться изнутри спокойствием. Аристократы вокруг бледны от интриг и несварения, их руки дрожат, они роняют бокалы. Зараженный же держит хрусталь так, словно он сделан из стали. Ни одного лишнего движения. Идеальная экономия энергии.

Мой единственный надежный метод проверки — физический контакт. Узел гриба всегда растет там, где шея переходит в затылок, скрытый волосами или воротником. Но подойти к герцогине Крейвенхолл сзади и запустить пальцы ей в прическу? Меня четвертуют еще до того, как я успею извиниться. Шут может упасть пьяным, облить даму вином или наступить на шлейф, но лапать благородных дам устав запрещает даже мне. Это дурной тон.

Значит, остается только наблюдение.

Я оттолкнулся от пола — каблучки звонко щелкнули по мрамору — и взлетел на банкетный стол. Тарелки зазвенели, кто-то выругался. Бокал красного вина опрокинулся, заливая белоснежную скатерть густой лужей.

Реакция первая: Визг. Две дамы справа шархнулись назад, закрывая лица веерами. Обычный испуг. Живые люди боятся испачкаться.

Реакция вторая: Рычание. Граф Ренар схватился за кинжал на поясе. Агрессия доминирующего самца. Тоже жив.

Реакция третья...

Мои глаза — янтарь с темным ободком — метались по залу, считывая микромоторику. Вот старик-канцлер тянется за салфеткой. Его пальцы дрожат. Адреналин. Выброс кортизола. Живой.

А вот Леди Изольда. На ее синее платье тоже попало вино. Огромное багровое пятно расплзается по корсажу. Дорогой шелк испорчен безвозвратно. Любой нормальный человек дернулся бы. Стер пятно. Поморщился. Закричал на слуг.

Изольда стояла неподвижно. Она смотрела прямо перед собой пустыми глазами цвета замерзшего озера. Ее губы едва заметно дрогнули, складываясь в подобие улыбки. Пятно росло, ткань намокала, становясь тяжелой, но она даже не сменила позу. Боль отсутствовала. Раздражение отсутствовало. Там, где у живого человека должна быть дыра от уязвленного самолюбия, у нее была ровная гладь застывшего льда.

Она больше не чувствовала холода мокрого шелка на коже.

Бинго.

Я потерял равновесие, картинно взмахнул руками и рухнул спиной вперед со стола прямо в толпу. Толпа расступилась с визгом. Я приземлился точно на руки лейтенанту стражи, выбив из него дух, прокатился по полу юзом и затормозил сапогами ровно у ног короля.

Вильгельм IV сидел на троне, похожий на иссохшую мушкетера. Его водянистые голубые глаза смотрели сквозь меня. Король ненавидел мой маскарад, но терпел. Он знал, что если убрать шута, придется смотреть на эти лица без гримас. А король боялся правды больше, чем моего фиглярства.

— Простите, Ваше Величество! — пропищал я высоким тенором, хватаясь за королевскую мантию, чтобы встать. — Демоны танца вселились в мои пятки!

Король брезгливо дернул плечом, скидывая мою руку. Мои пальцы задержались на ткани чуть дольше положенного. Манжета монарха пахла лавандой и старым, глухим ужасом параноика. Он знает, что мы ищем зараженных. Он боится, что один из них подойдет к нему сегодня ночью с поцелуем мира.

Я выпрямился, пошатываясь, и мазнул взглядом по Изольде. Наши глаза встретились. На долю секунды ее маска дала трещину. Она узнала мое падение. Поняла, что это не случайность. Оценила угрозу.

Ее спокойствие стало абсолютным. Черный узел под волосами на затылке, который я не видел, но чуял нутром, казалось, начал пульсировать в такт музыке. Она приняла решение. Сегодня ночью королева лишится фрейлины, а двор — одной из самых красивых статуй. Изольда уйдет в Улей добровольно. Ей просто нужно дождаться момента.

Я отвесил королю дурацкий поклон, звякнув колокольчиками, и поскакал дальше на одной ноге, изображая хромую утку. Сердце билось ровно. Медные волосы прилипли ко лбу от пота. Мне хотелось содрать с себя эту маску, смыть румяна кислотой и перегрызть глотку тому контрабандисту, который протащил споры мимо моих людей.

Но вместо этого я поймал брошенный кем-то серпантин, обмотал им шею и громко объявил:

— Господа! Следующий танец — пляска Святого Витта! Кто смелый?

Бал продолжался. А смерть уже вальсировала между нами, одетая в синий шелк.

Глава 1

Посреди «танца» я перекатился через плечо, гася инерцию падения, и вскочил на ноги прямо за колонной. Музыка здесь звучала глуше, а воздух пах пылью и старым камнем, а не человеческим потом. В тени стоял Ион. Со стороны казалось, что лейтенант просто скучает на посту, опираясь на алебарду, но я видел, как ровно он дышит. Камень. Единственный кусок гранита в этом болоте.

Я «споткнулся» о собственную ногу, нелепо взмахнул руками и врезался плечом ему в бок.

— Ой, — пискнул я тенором, хватаясь за его кирасу. — Простите, доблестный истукан! Мой левый башмак сегодня предательски трезв!

Ион даже не дрогнул, только чуть наклонил голову, пряча губы от зала. Его голос был сухим, как пергамент:

— Изольда Крейвенхолл направляется к выходу из залы. Улыбается так, будто ей подарили луну.

Я поморщился. Всего лишь одним глазом, со стороны невидимым для толпы. Леди Изольда была прекрасной мраморной статуей, но рой превратит ее в идеального проводника смерти. Если она выйдет из замка сейчас, завтра половина Вейльгарда проснется с черными спорами в горле.

— Глаз с нее не спускать, — процедил я сквозь приклеенную улыбку идиота. — Смени караул у западных дверей

на своих людей. Как только шагнет за порог — блокировать выходы. Тихо. Пусть думает, что это почетный эскорт короля. Скрипачей видишь?

Ион скосил глаза в сторону галереи, где играли музыканты Роттенбургской школы.

— Первый скрипач... пальцы двигаются слишком плавно. Не сбивается. Живые люди фальшивят, когда потеют. А этот сухой, как осенний лист.

Когда друг чуть кивнул я продолжил:

— Всю труппу в казематы. По подозрению в контрабанде дурмана. Обыскать инструменты вдоль волокон, деки вскрыть. Мне нужен их смычок. Или их кишки, если смычки чистые. Выполняй.

Ион тяжело вздохнул, изображая вселенскую усталость стражника перед лицом королевского дурака.

— Шеф, вы опять портите мне статистику по задержаниям. Я же отчеты пишу не левой пяткой...

Он резко толкнул меня ладонью в спину, возвращая в центр бального зала. Толпа аристократов захихикала, глядя, как шут кубарем вылетает из-за колонны, едва не сбив с ног пажа с подносом.

— Куда катится честный люд! — громогласно возмутился граф Ренар, оказавшийся на пути. Он схватил меня за шкуру и встряхнул. — Пшел вон, пятно!

Я позволил себя тряхнуть. Позволил себе снова упасть, проехавшись коленями по скользкому паркету. Боль в суста-

вах была фантомной — мышцы сами смягчили удар. Пока Ренар рычал проклятия, я поднял голову.

На другом конце зала, между кадками с цветами, стояла Элара.

Она держала серебряный кубок с водой. Ее черные волосы были убраны в строгий узел, но одна выбившаяся прядь прилипла к бледной шее. На фоне багряных камзолов и золотых платьев она выглядела призраком. Бедная девочка. Стоит тут часами, выслушивая жалобы напыщенных индюков на мигрень, впитывая их гниль, чтобы они могли доплясать до конца вечера и умереть счастливыми.

Наши взгляды встретились.

Я перестал играть. Колокольчики на моем колпаке звякнули коротко и зло, совсем не весело. Я смотрел на нее в упор, позволяя янтарным глазам стать серьезными. Не бойся. Я вижу тебя. Все хорошо. Это должна была быть самая искренняя улыбка за вечер — кривая, лишенная шуточного оскала, теплая. Единственная настоящая эмоция среди тысячи масок. Просто чтобы подбодрить. Она не должна заботиться о моей безопасности, пока Садовники ходят рядом.

Элара не улыбнулась в ответ. Она нахмурилась. Густые брови сошлись на переносице, перечеркнув идеальный лоб. Затем она чуть качнулась, прижимая тонкую руку ко рту. Платок, которым она прикрылась, окрасился темными пятнами. Сухой, рваный кашель. Совсем не похожий на придворную простуду.

Мое нутро заледенело.

Что-то серьезное? Почему не вылечила себя сама?

Она могла остановить чуму щелчком пальцев. Могла забрать гной из раны барона дю Плесси и выплюнуть его в урну, оставаясь при этом здоровой. Но кашляла кровью в собственный платок.

Ренар дернул меня вверх, заставляя встать.

— Ты оглох, паяц?! Я сказал, пошел вон!

Я вырвался из его захвата, снова натягивая маску Шута — резиновую, трескающуюся по швам.

— Как скажете, ваша мясность! — пропищал я, отвешивая Ренару поклон, от которого затрещал позвоночник. — Бегу исполнять танец маленьких лебедей на своих похоронах!

Я поскакал прочь, лавируя между танцующими, но маршрут мой изменился. Больше никаких падений ради смеха графья. Теперь я шел к ней. Нужно было проверить ее шею. Под слоем кружева и пудры. Прямо сейчас.

Я растворился в тени портьер, уходя от слепящего света канделябров. Ренар что-то еще орал мне вслед про испорченный ужин, но его голос уже тонул в общем гуле зала. Как только фокус внимания толпы сместился на скандал у стола с паштетами, я перестал быть шутом. Движения стали экономными, хищными. Я скользил вдоль стены, используя колонны как укрытия.

Элара стояла там же, под раскидистыми ветвями в кадке.

Она смотрела не на танцующих, а на свои руки, сжимающие мокрый платок. Плечи едва заметно вздрогнули, когда моя тень упала на нее раньше, чем подошли ноги.

— Вам дурно, леди Меллис? — спросил я. Голос был моим настоящим — низким, без привычного визга паяца. В нем не было угрозы, только глухая усталость. — Вы выглядите так, будто готовы клонуть любого, кто подойдет ближе чем на три шага.

Она резко обернулась. Черные глаза расширились от удивления, но тут же сузились в знакомой раздраженной укоризне.

— Это вас чуть не затоптали, господин Шут, — прошипела она, пряча платок в рукав платья. — А потом швырнули через весь зал графу под ноги, словно мешок с репой. Если бы я лечила хотя бы по синяку за каждую вашу выходку, во дворце давно закончилась бы арника.

Я позволил себе легкую усмешку, опираясь плечом о мраморную колонну. Скрестил руки на груди, принимая расслабленную позу.

— Зато моя черепушка хотя бы твердая и предсказуемая, Элара. От придворных никогда не знаешь, где потечет соус, а где — государственная тайна. К тому же, падать к ногам графа дю Плесси — это высшее проявление доверия. Он слишком глуп, чтобы строить интриги.

Ее губы дрогнули, сдерживая ответный выпад. Мы играли в эту игру годами: ее холодное достоинство против мое-

го ядовитого панибратства. Но сейчас игра давалась тяжело. Я видел, как лихорадка проступает испариной на ее висках сквозь слой пудры.

Я шагнул ближе, сокращая дистанцию до неприличной. Мои янтарные глаза впились в ее бледное лицо.

— Ты простудилась, — сказал я уже совсем тихо, отбросив «леди» и «господина». — Или твой дар снова берет плату натурой? Не стоило сидеть полночи над тем отравленным гвардейцем из казарм.

Элара закатила глаза с таким мученическим видом, словно я просил ее решить теорему Ферма прямо здесь, посреди бала. Вместо ответа она просто повернулась ко мне спиной, подставляя шею. Жест абсолютного, фаталистичного доверия. Лучший лекарь двора знала симптомы заражения лучше всех остальных. Проверяй, говорит. Убедись, что эта дева пока чиста перед твоим королем.

Мое сердце пропустило удар. Проклятый резонатор внутри молчал рядом с ней — ни страха, ни стыда, только ровная, звенящая пустота смертельной усталости.

Я осторожно, почти невесомо коснулся кончиками пальцев ее затылка, отводя тяжелые черные пряди. Кожа была прохладной, пульс под тонкой кожей бился ровно. Никаких твердых узелков гриба. Никакой черной паутины под серебряной нитью души. Только горячая сухость кожи человека, который отдал слишком много сил.

Я выдохнул, сам не заметив, как задерживал дыхание. Чи-

стая.

Но хмуриться не перестал. То, как она кашляла кровью... это пугало больше, чем угроза смерти в угоду Роя.

— Тебе нужно быть осторожнее, — пальцы все еще лежали на ее шее, и я заставил себя убрать их, прежде чем это станет оскорблением. — Садовники во дворце. Изольда уходит в рой. Они чувствуют слабость, как стервятники кровь. Твоя...

Я осекся. Слова «твоя доброта тебя убьет» застряли в горле. Звучало слишком сентиментально даже для шута. Поэтому я просто закончил:

— Просто будь осторожнее.

Она медленно повернула голову. Ее взгляд встретился с моим. И маска циничного ублюдка дала трещину по швам.

В ее черных глазах не было страха или отвращения к моему фиглярству. Там была такая тихая, обжигающая нежность, что мне стало физически душно. Словно эта мертвая девочка видела сквозь красную медь моих волос и звон колокольчиков ту выжженную пустыню, которой я являюсь на самом деле. Она жалела меня.

Это было неправильно. Опасно. Дворцовые цветы погибают от такой искренности.

— Вы всегда прикрываете спину дуракам, Альдарин, — мягко сказала она, назвав меня по имени так нежно, что у меня защемило в груди. — Даже если сами являетесь причиной их падения.

Я моргнул, разрывая зрительный контакт, и отступил на

полшага назад, возвращая лицу привычную кривую ухмылку. Резиновый треск маски встал на место.

— Кто-то же должен следить, чтобы королевский двор не утонул в собственной блевотине и благородстве, — огрызнулся я, отворачиваясь. — Отдыхайте, лекарка. И выпейте то горячее молоко с медом, которое носили мне ранее. Я слышал, оно стоит целое состояние, между прочим.

Я нырнул обратно в толпу, чувствуя лопатками этот невозможный, согревающий взгляд. Нужно отдать приказы Иону. Пусть двое людей Канцелярии переоденутся лакеями и встанут у дверей ее покоев. Не арестовывать. Оберегать. Сон этой девочки слишком хрупок, а грязь вроде Ренара или спящих спор Улья имеет свойство просачиваться в самые защищенные щели.

1.1

Медь и пот. Воск и гниль. К финалу менуэта запахи в зале слились в один густой, тошнотворный сироп. Музыка оборвалась на высокой, дрожащей ноте — первая скрипка взял слишком резко, выдавая нервозность музыкантов Роттенбургской школы.

Король Вильгельм IV поднялся со своего возвышения. Звук его движения был сухим, как шелест осенних листьев по брусчатке. Он не хлопал в ладоши и не улыбался. Его водянистые голубые глаза медленно обвели зал, задерживаясь

на каждом лице больше, чем требовал этикет. Знать замерла. Бокалы зависли в воздухе, недопитое вино качнулось к краям хрустальных граней. Когда Сломленный молчал так долго, это всегда означало либо казнь, либо скуку. Сегодня повезло — была скука.

— Бал окончен, — голос короля прозвучал тихо, но акустика зала вытянула его до самых галерей. — Господа, вы утомили даже камни этих стен. Лакеи проводят вас до дверей. Те, кто еще способен стоять прямо, могут проследовать в свои кареты. Остальные... найдут приют в караулках гвардии. Я брезглив сегодня.

Он развернулся, не дожидаясь ответных поклонов. Черное сукно королевского камзола мелькнуло в дверях тронного зала и исчезло. Тяжелые дубовые створки закрылись с глухим стуком, отрезая монарха от его своры.

И тут воздух снова задрожал. От красного угла, где сгруппировались любители крепких вин, отделилась массивная фигура. Граф Ренар дю Плесси покачивался, держа в руке кубок размером с голову младенца. Красная рожа графа блесла от жира и усердия.

— Ваше Величество! — взревел он в закрытую дверь, а затем обернулся к залу. Маленькие свинячьи глазки нашли меня. — А юродивый? Этот рыжий прыщ позволил себе упасть на колени перед тронном! И на мой новый сапог! Испортил кожу, собака! Не угодно ли наказать дерзкого?

Я стоял у колонны, лениво выковыривая грязь из-под ног-

тя кинжалом для фруктов. Внутри я закатил глаза так сильно, что едва не вывихнул их орбиты. Снова. Каждый бал одно и то же. У этого животного интеллект инфузории-туфельки, но самомнение размером с кафедральный собор. Сапоги ему испортил. Будто я виноват, что твои жировые складки занимают половину пространства зала, граф, и мне просто физически некуда было падать, кроме как тебе на ноги.

Из тени за колонной раздался тяжелый, мученический вздох короля. Он остановился в коридоре, видимо, услышав этот рев через дерево. Дверь приоткрылась ровно на ширину ладони.

Взгляд Вильгельма, брошенный поверх голов придворных, встретился с моим. В нем не было гнева. Только бесконечная, всепоглощающая усталость человека, который вынужден управлять стадом пьяных гусей. Монарх чуть заметно кивнул мне — почти сочувственно.

— Раз граф так жаждет справедливости, пусть вершит ее сам, — проскрипел король. Пар изо рта осел инеем на бархатные портьеры. — Но сейчас уже слишком поздно для развлечений, Ренар. Собаки устали ждать травлю. На утро назначена охота в Северном лесу. Если ты доберешься до своих палат в лагере раньше полудня и сможешь держаться в седле без посторонней помощи — развлекайтесь. Хоть сожрите друг друга. Но вне дворца.

Дубовая створка захлопнулась окончательно, оставив нас во внезапно оглохшей тишине.

Ренар моргнул. Алкогольная пелена в его глазах боролась с пониманием того, что только что произошло. Король отдал шута ему. Лично. В полное распоряжение. Для аристократа старой формации это был карт-бланш на любую жестокость, которая не оставляет шрамов на шее — шею завтра увидят прачки, а синяки под одеждой греют самолюбие всю зиму.

Громила удовлетворенно рыкнул, словно получил долгожданную кость. Огромная, красная лапа опустилась на мое плечо, сжимаясь тисками. Кольца на его пальцах впились в ключицу сквозь ткань шутовского колпака.

— Ну наконец-то, — проревел он мне в лицо, обдавая парами перегара. — Пойдем, краска размазанная. Посмотрим, какого цвета у тебя кишки, когда мы снимем эту дурацкую маску.

Его пальцы сжались сильнее, явно намереваясь сломать мне лопатку или хотя бы оставить огромный багровый кровоподтек. Боль — отличный проводник для моего дара. Я почувствовал, как страх сотен мелких людишек вокруг вспыхнул искрами, реагируя на агрессию вожака. Запах озона стал острее.

Я позволил своему телу обмякнуть. Голова безвольно упала на грудь, руки повисли плетями. Из горла вырвался жалобный, блеющий смешок.

— Ох, господин граф... — просипел я, давясь слюной. — Вы такой сильный... У меня ножки совсем слабые после ваших сапогов... Несите меня, куда велено!

Лицо Ренара скривилось от разочарования. Ожидание пытки разбилось о нелепость ситуации. Тащить на руках шута с удивительно немалым весом — это не героическая расправа, это позор.

— Сам пойдешь, мразь, — процедил он, брезгливо отталкивая меня. Толчок получился сильным; я пролетел два шага, споткнулся о край ковра и растянулся на полу лицом вниз.

— Благодарю за милость, Ваше Величество! — рывкнул граф закрытой двери, салютуя кубком невидимому монарху. — До утра, господа! Пусть ваши жены присмотрят за вашими кошельками!

Под улюлюканье тех немногих, кто еще сохранял остатки сознания, Ренар тяжелой поступью двинулся к выходу. Я остался лежать на паркете, уткнувшись носом в пыльные доски, слушая, как затихает топот его сапог.

Когда в зале остались только сонные слуги и моя личная тень — Ион, — я приподнял голову. Медная челка прилипла ко лбу. Янтарные глаза блеснули холодной яростью, которую никто здесь не должен видеть.

— Проследи, чтобы наш мясник благополучно рухнул в свою палатку на охоте, — бросил я лейтенанту, поднимаясь на ноги и отряхивая колени. — Желательно мордой в костер. Чтобы кожа облезла симметрично.

— Сделаю, шеф, — ухмыльнулся Ион одними глазами. — Принести вам льда для спины? Или сразу заказать гроб по

размеру вашего эго?

— Просто иди работай, — буркнул я, поправляя съехавший набок колпак. Колокольчики звякнули фальшиво и зло.

Тяжелая дубовая панель личной каморки Шута закрылась за моей спиной, отрезая меня от гула бального зала. Щелкнул замок — массивный, надежный, с секретом Тайной Канцелярии. Здесь не было ни золота, ни бархата. Только серый камень, запах старой кожи, железа и горького миндаля.

Я привалился к двери плечом. Медная грива прилипла ко лбу под тяжелым колпаком, мокрая от пота. Ребра горели так, словно Ренар все-таки умудрился сломать мне хотя бы одно удачным тычком сапога. Внутри до сих пор звенел этот проклятый бал — какофония чужого стыда, похоти и ужаса перед утренним похмельем. Мой дар работал без выходных, превращая мою черепную коробку в резонирующую камеру пыток.

Первым делом я сорвал полу-маску шута. Тонкая кожа треснула по шву у правого уха. Я бросил ее на стол; она покатилась, нелепо скалясь нарисованным ртом, пока не замерла у чернильницы. Выглядело как трупик мелкого зверька.

Пальцы двигались механически, экономно. Никаких лишних жестов. Акробат уступил место хищнику.

Сначала — тяжелый шутовской колпак в угол. Затем — яркий жилет из парчи, расшитый фальшивым жемчугом. Он упал на пол бесформенной тряпкой. Сапоги со звонкими набойками сменились на мягкие кожаные чулки-котурны, ко-

которые не оставляют следов на пыли древних камней.

Я подошел к узкому медному зеркалу. На меня смотрел уставший мужчина с острыми скулами и тенями под янтарными глазами. Зрачки медленно сужались, возвращаясь из расширенного состояния боевой готовности к человеческому размеру. Я плеснул в лицо ледяной водой из кувшина. Вода пахла железом.

Движения стали плавными, текучими. Позвоночник вытянулся, сбрасывая сутулость кривляки. Плечи расправились. Когда я стягивал через голову пропотевшую льняную рубашу, мышцы спины перекатывались под кожей сухими жгутами. Ни капли лишнего жира — только сухие канаты силы, сплетенные годами висения на карнизах и падения с крыш.

Черное сукно облепило тело. Высокий воротник-стойка скрыл кадык. Тяжелый плащ лег на плечи свинцовой тяжестью — он был прошит пластинами китового уса и зачарованной тканью, которую не берет нож наемника. Волосы туго перехватила полоса черной ткани, убрав каждую выбившуюся прядь. Лицо скрыла глухая маска из лакированного дерева — абсолютно гладкая, лишенная эмоций, с прорезями для глаз, затянутыми темным шелком. В этой маске нет рта. Маска не говорит. Она лишь слушает и причиняет боль.

Шут умер в пыльном углу каморки. Из зеркала на меня смотрел Глава Тайной Канцелярии.

Огонь внутри чуть притух. Ему на смену пришел холод

ртути. Так лучше. Спокойнее.

Тонкий шнур переговорной трубы змеился вдоль плинтуса. Я крутанул вентиль.

— Сектор «Запад». Два человека у дверей лекарши Меллис. Смена каждые два часа. Приказ: никого не впускать. Никого не выпускать. Если кто-то попытается войти силой или коснется ручки снаружи — брать живьем, ломать колени, но оставлять дыхание для допроса. Это касается даже королевских фрейлин. Особенно леди Изольды. Выполнять.

Я отпустил клапан, не дожидаясь подтверждения. Тени знают, что повторять дважды я не люблю.

Коридоры подземелий Вейльгарда дышали сыростью. Факелы здесь горели синим пламенем, питаюсь газом из катакомб. Звук моих шагов изменился — теперь это была тяжелая, уверенная поступь хозяина, а не шарканье пьяного дурачка. Стражники у поворотов замирали, становясь невидимыми тенями. Они видели лишь глухую маску и черный силуэт, но чувствовали эманацию власти, от которой стыла кровь в жилах.

Казематы встретили меня привычной вонью — моча, рвота, страх и дешевое железо. Ион ждал у стола с картами, методично чистя свой любимый кинжал кусочком замши. При моем появлении он даже не поднял головы.

— Мясник принял предложение короля? — спросил лейтенант, дуя на лезвие.

— Принял ванну из вина и рухнул спать, — я обошел стол,

проводя пальцем по пергаменту. Карта Северного леса была испещрена пометками Иона. — Проследи, чтобы его палатку поставили ближе всех к выгребной яме лагеря. А когда он пойдет блевать среди ночи, пусть споткнется о растяжку. Ничего смертельного. Просто пара переломов и ожог лица. Мне надоело смотреть на его рожу.

Ион хмыкнул, наконец поднимая свои бесцветные глаза.

— Жестоко, шеф. Ожог может испортить симметрию.

— Именно поэтому я выбрал правую сторону. Пусть ходит вечно недовольным. Что по Роттенбургам?

— Скрипачи молчат. Инструменты вскрыли. В деке альта нашли полость. Там ампулы. Чистая вытяжка споров. Доза такая, что хватило бы успокоить полк гвардии. Первый скрипач пытался их проглотить, когда мы брали груз. Пришлось выбить зубы.

Мои губы под маской тронула улыбка. Не веселье. Радость сытого волка.

— Зубы ему верни. Нам нужен его голос.

1.2

Я толкнул дверь допросной. Петли скрипнули ржаво, тоскливо. Воздух тут был спертым, нагретым докрасна жаровней, но тепла она почти не давала — только сушила горло. На единственном стуле сидел человек. Дорогой бархат его камзола сейчас выглядел жалким рубищем, залитый под-

сохшей кровью из разбитого носа. Графский сын, пойманный на продаже спор в трущобах. Один из Садовников.

Он поднял голову.

Внутри меня всё сжалось от привычного разочарования. Я ожидал увидеть страх. Животный, липкий ужас перед казематами Канцелярии. Мой дар должен был уже выжигать ему легкие фантомным пеплом Роттенбургов. Но серебряная нить души этого человека светилась ровным, безмятежным белым светом. Ни паники. Ни боли. Только абсолютное, звенящее спокойствие. Покой мертвеца, который уже знает дату собственных похорон и рад ей.

— Добрый вечер, виконт, — мой голос под маской звучал глухо, лишенный эха этой комнаты. — Вижу, мои люди были немного настойчивы при задержании. Приношу извинения за ваши ребра.

Его губы дрогнули. Это была не усмешка победителя и не гримаса боли. Просто расслабление лицевых мышц. Он смотрел сквозь мою маску, словно я был просто пятном на стекле.

— Вы зря тратите слова, — произнес он. Голос был чистым, мелодичным, совсем не сорванным пытками. — Боль — это лишь иллюзия разделенности. Когда Мать примет вас, вы поймете. Не будет ни страха, ни злости. Только Единство.

Я обошел стол. Мне захотелось ударить его. Разбить эту идеальную фарфоровую челюсть прикладом алебарды, чтобы посмотреть, потечет ли из него черная слизь вместо кро-

ви. Но это бесполезно. Физическая боль для них — как щекотка. Они ее чувствуют, фиксируют, но она не имеет над ними власти.

— Единство, — повторил я, доставая из поясного кошелька тяжелый медный шарик размером с голубиное яйцо. По его поверхности шли глубокие спиральные бороздки. Усилитель. — Как поэтично. А скажи мне, скрипач... что чувствует ребенок, когда мать перерезает ему горло во сне? То же единство?

Он моргнул. Медленно. Его глаза оставались ясными.

— Она никогда не причиняет вреда своим детям. Мы сами просим об исцелении. Вы заперты в клетке своей кожи, Глава. Вы слышите крики чужих душ и думаете, что это симфония. Мать же предлагает тишину.

Этого было достаточно. Театр одного актера окончен. Фанатиков нельзя переубедить логикой, их можно только сломать физически. Или акустически.

Я кивнул Иону, стоявшему в тени у двери. Лейтенант шагнул вперед, разжимая пальцы пленника силой. Тот даже не дернулся, покорно позволяя вставить себе между зубов кожаный клин.

Я вложил теплый медный шарик ему в рот, протолкнув глубже, в глотку. Скрипач рефлекторно сглотнул. Металл пошел вниз.

Ион закрепил на груди зараженного свинцовую пластину — тяжелую, холодную, покрытую сложной гравировкой кон-

туров. Провода от нее тянулись к массивному фонографу в углу. Я крутанул рукоять. Механизм внутри издал тихий щелчок, взводя пружину.

— Посмотрим, насколько глубока твоя вера, когда Мать отвернется, — прошептал я.

Пластина прижалась к обнаженной коже ключицы. Ион опустил иглу.

Комната наполнилась звуком. Это не была музыка. Это был инфразвук. Низкочастотная вибрация, записанная нами полгода назад в катакомбах под Вейльгардом — тот самый звук, который издает древний механизм, разрушающий астральные связи.

Медь шара в пищеводе начала резонировать. Звук усилился десятикратно, пройдя через кости черепа напрямую в мозг.

Тело на стуле выгнулось дугой. Идеальная осанка сломалась. Глаза закатились так, что остались видны только белки. Челюсти свело судорогой вокруг клина, по подбородку потекла пена, смешанная с кровью из прикушенного языка.

Рой пытался удержать контроль, латая «серебряную нить», но физика тела оказалась сильнее магии покоя. Вибрация рвала симбиотическую сеть на части.

— Где... она... — я наклонился к самому уху пленника, перекрикивая гул аппарата. — Что является корнем? Алтарь? Книга? Человек?

Скрипач содрогался в конвульсиях, но его губы продол-

жали шевелиться в такт ритму пытки. Слова выходили пугающими:

— ...здесь...

— ...совсем близко...

— ...мать защищает...

— ...она греет...

Она здесь. Во дворце.

Если это не бред умирающего фанатика — а они обычно молчат или зовут своих богов, этот говорит о географии — то вывод один. Ретранслятор находится в стенах Вейльгарда. Прямо сейчас, пока мы стоим в этих казематах, пульс улья проходит сквозь камень фундамента прямо под нашими ногами.

Но что именно? Артефакт Роттенбургов? Древний гриб, проросший сквозь фундамент? Первый носитель, замурованный заживо столетия назад?

— Выключай, — бросил я Иону.

Игла соскочила с бороздки. Вибрация оборвалась резко, оставив в ушах болезненный звон.

Тело скрипача рухнуло на спинку стула, обвиснув на ремнях. Обмякло. Дыхание стало поверхностным, хриплым.

А затем его глаза открылись.

Радужка больше не была черной бездной. Она стала обычного карего цвета. Блеклого, человеческого. Взгляд метнулся по комнате, фокусируясь на моей маске. В нем плеснулось животный ужас осознавшего себя человека. Он вспомнил,

где находится. Вспомнил свои собственные слова. Вспомнил предательство.

Связь восстановилась. Тело перезагрузило интерфейс роя, сбрасывая поврежденную сессию сознания. Теперь он снова счастлив. Снова готов идти на костер ради улыбки Матери.

Бесполезно.

Я развернулся на каблуках. Черный плаш взметнулся за спиной, подняв легкий сквозняк.

— Утилизируйте тело через западную печь. Без ритуалов. Ион, поднимай людей. Перекрыть все старые акведуки под фундаментом замка. Всех трубочистов, крысоловов и смотрителей катакомб — досматривать лично. Если там прячется матка, я хочу, чтобы она подавилась собственным мхом, когда мы отрезаем ей кислород.

Тяжелая дверь допросной закрылась за моей спиной, отсекая монотонный гул фонографа и запах озона. Вот так незаметно прошел час. Ровно шестьдесят минут на то, чтобы сломать человеку кости, душу и веру, не получив взамен ничего, кроме трех слов: «Она здесь».

Мои шаги по каменным коридорам были тяжелыми. Медная усталость заливала мышцы свинцом. Обычно после таких сеансов в казематах голова проясняется — чужая агония смывает мою собственную апатию, оставляя лишь холодный расчет. Но сейчас внутри была только пустота. Слова скрипача крутились в черепе, как осколки стекла.

«Совсем близко». «Она греет».

Если это координаты, то они бесполезны. Весь замок должен греться от ее присутствия. Если это метафора... Нет. Зараженные теряют способность к абстракции. Для них нет разницы между чувством и фактом. Мать физически находится в радиусе поражения. В Вейльгарде. Мы искали артефакты, замурованные склепы, аномалии серебряных нитей у фундамента. И нашли ноль. Значит, мы ищем не там. Или не то.

Я поднялся из подземелий официальными лестницами Канцелярии. Стражники отдавали честь, не глядя мне в глаза — мой глухой черный силуэт вызывал у живых инстинктивное желание слиться со стенами. Я миновал свои истинные покои — аскетичные комнаты без окон, где пахнет пылью пергамента и ртутью, — направляясь дальше, в лабиринт для дураков.

Фиктивные апартаменты Шута встретили меня запахом прогорклого масла и кислого вина. Настоящий свинарник, который я поддерживаю специально — разбросанные карты Таро, перевернутые чернильницы, шелковые чулки, висящие на канделябре. Никто не ищет заговорщика в комнате человека, который мочится под себя во сне.

На ручке двери, ведущей в спальню, висел небольшой холщовый мешочек, перевязанный бечевкой. От него исходил тонкий, успокаивающий аромат сухих трав, ромашки и чего-то горького — полыни или коры хины. Элара.

Я оглянулся по сторонам. Коридор был пуст. Представляю заголовки утренних сплетен: «Глава Тайной канцелярии воруется любовные зелья у королевского шута». Это было бы даже забавно, если бы не грозило плахой за дискредитацию власти.

Сняв мешочек с медного кольца, я взвесил его в ладони. Бумага чуть хрустнула. Девочка снова пыталась спасти того, кого спасти невозможно. Она знает, что завтра будет охота, что Ренар жаждет моей крови, и несет мне мази от синяков, которые сама же потом и вылечит своим прикосновением. Какая чудовищная трата дара на такую грязь, как я. Нужно оставить ей в библиотеке пару редких трактатов о целительстве. Пусть порадуется. У нее так мало поводов для искренней улыбки.

Я толкнул дверь спальни ногой. Заперто изнутри — иллюзия безопасности для придворного клоуна. Внутри пришлось задействовать скрытый механизм стеной панели. Раздался тихий щелчок шестеренок, и дубовая обшивка отъехала в сторону, открывая проход в настоящий кабинет.

Первым делом — избавиться от маски. Дерево влажно чмокнуло, отходя от разгоряченной кожи. Лицевые мышцы ныли от многочасового напряжения — держать идиотскую ухмылку, когда хочется перегрызть глотку, сложнее, чем удерживать равновесие на краю крыши. Маска заняла свое место на бархатной подушке в сейфе.

Движения стали механическими ритуалами выживания:

Растегнуть пряжки тяжелого плаща Теней. Ткань упала на пол бесформенной грудой.

Сорвать тугую повязку с волос. Медные пряди упали на плечи, влажные от пота. Я провел ладонями по лицу, чувствуя, как щетина царапает кожу. Умывальник. Ледяная вода обожгла запястья, приводя сосуды в чувство.

Сбросить остатки шутовского камзола. Завтра он понадобится мне свежим.

В углу уже стоял готовый дорожный кофр. Выездной костюм Шута: штаны из плотной ткани с кожаными вставками (чтобы падать с лошади было не так больно), свободная рубаша цвета запекшейся земли, короткий жилет без лишних бубенцов — практичный наряд убийцы, маскирующийся под одежду егеря. На дне кофра ждали своего часа смазанные арбалеты, удавки из конского волоса и набор тонких игл. На всякий случай.

Я переоделся в простую льняную сорочку. Кожа наконец смогла дышать.

Тело требовало горизонтального положения. Мозг отказывался обрабатывать данные. Я лег на жесткую кровать, закинув руки за голову и глядя в темноту потолка.

Завтра выезд. Северные Пустоши. Лагерь охоты. Там соберутся все: ленивая Аристократия, воняющий железом Ренар, скользкие торговцы солью. А вместе с ними поедут их «пажи», «оруженосцы» и «сокольничьи» — и мои люди. Десятки глаз Теневой Канцелярии будут сканировать каждый

куст, каждую фляжку с вином. Любой, кто проявит ту самую пугающую нечувствительность к холоду или насекомым, отправится в лагерь Иона еще до рассвета.

Сам Ион останется здесь. Пока двор будет пить кровь оленей в лесах, лейтенант проверит катакомбы. Старые этажи. Мы прочесывали их трижды, но Матка могла спрятаться глубже. В дренажных трубах акведука. За алтарем Единого Огня, куда гвардейцам входа нет. Мысль о том, что источник заразы может спать прямо под тронным залом, вызывала зудящее раздражение под кожей.

И Ренар. Огромная, тупая, пьяная заноза. Мне придется ехать рядом с ним, слушать его похабные шутки, терпеть запах изо рта и ждать удара в спину. Почему именно я? Почему Вильгельм считает, что лучший способ контролировать самого опасного зверя при дворе — это посадить его в одну клетку с самым жирным?

Глухое раздражение смешалось с ватной усталостью. Ресницы начали тяжелеть. Перед глазами плыло лицо Элара — бледное, с тенями под глазами, прижимающее платок к губам. «Совсем близко». «Она греет».

Может быть, мать действительно просто грелка? Какой-нибудь древний термальный источник под фундаментом, питающий грибницу теплом...

Мысль оборвалась, рассыпавшись песком. Уставшая голова отказалась строить теории.

Сон накрыл резко, словно набросили плотное шерстяное

одеяло. Последнее, что зафиксировало угасающее сознание — тяжелый холщовый мешочек с лекарствами Эллары, лежащий на прикроватном столике. Горький запах полыни. Иллюзия жизни посреди царства мертвых.

1.3

Рассвет в Вейльгарде пах гарью и мокрой псиной. Я проснулся за секунду до того, как первый луч солнца коснулся свинцового переплета окна. Сон не принес облегчения — голова казалась чугунной чашей, наполненной остывшим пеплом вчерашних мыслей. «Она греет». Проклятая фраза въелась под черепную коробку.

Сборы заняли двадцать минут. Механика выживания: ледяная вода, жесткое полотенце, костюм егеря. Никаких лишних украшений. Только практичная кожа и плотная ткань. Лицо требовало маски.

Я открыл сундук с гримом. Кисть привычно легла в пальцы. Наносить краску на собственное лицо всегда было странным ритуалом — словно надеваешь вторую кожу поверх первой. Белила скрыли медный оттенок кожи и усталость. Ярко-красные пятна румянца растеклись по скулам. Черная линия подчеркнула нижнее веко, делая янтарные глаза пугающе огромными и безумными. Когда я надел колпак, из зеркала на меня посмотрел идеальный придворный дурак. Никто не станет бояться клоуна перед лицом вооруженного графа.

Главный двор уже гудел растревоженным ульем. Аристократия грузилась в седла. Пахло кожей сбруи, конским потом и дешевым парфюмом, призванным скрыть запах перегара. Моя очередь была последней — король должен выехать под фанфары, а шут выезжает тогда, когда все спотыкаются о его поводья.

Прежде чем выйти под эти снисходительные взгляды, мне нужно было глотнуть реальности. Я нырнул обратно в тень боковой арки, ведущей в караулку Иона.

Лейтенант стоял у стола, склонившись над картой подземелий. При моем появлении он даже не вздрогнул, только медленно поднял голову. Его бесцветные глаза скользнули по моему лицу, разрисованному красками, и уголок губ едва заметно дернулся вверх.

— Мессир Шут, — протянул он ровным голосом. — Вы забыли пудреницу. У вас левая бровь немного... осиротела. Смотрится так, будто мышь покончила с собой от тоски прямо у вас на лице.

Внутри что-то щелкнуло. Сухой предохранитель лопнул. Глухая тоска ночи смешалась с раздражением от бессилия в допросной. Мой дар требует жертвы, но сейчас вокруг были только свои. А пугать своих — дурной тон для командира.

Я вздохнул. Тяжело, театрально, со свистом втягивая воздух сквозь стиснутые зубы.

— Ох, Ион... — мой голос стал высоким, вибрирующим, полным детской обиды. — Ты такой злой! Разве можно так

говорить бедному калеке? Душа болит, когда ты смотришь на меня своими каменными глазами!

Я шагнул вперед, пошатываясь, и картинно схватился за сердце. Но движение было слишком быстрым, слишком хищным для шута. В один миг моя фигура перекрыла свет от единственного факела в караулке. Тень упала на карту, перечеркнув маршруты патрулей.

Улыбка, которую я подарил лейтенанту, обнажила зубы. Она начиналась где-то у мочек ушей и совершенно не касалась глаз. Янтарная радужка залитая чернотой расширившегося зрачка. Это была улыбка акулы, которая решила поиграть с утопающим.

— Представь, — пропел я тем самым ласковым тенором, наклоняясь над столом так близко, что мои колокольчики оказались в дюйме от носа Иона. — Представь, что сегодня утром стража найдет тебя здесь. Раздавленного. Между стеной и вон той тяжелой дверцей шкафа. Потому что кто-то очень болтливый забыл, чья рука держит поводок всех цепных псов Короны. Представил?

Ион побледнел. Не от страха смерти — трусом он никогда не был. Он побледнел от мгновенного понимания своей ошибки. Он увидел Главу Тайной Канцелярии, который смотрел сквозь дырки в размалеванной коже Шута. Тот самый Альд, чьи допросы заставляют плакать гранит.

— Шеф... — выдавил он, инстинктивно выпрямляясь.

— Что? — мурлыкнул я, не двигаясь с места.

— ...Прошу прощения за неуместную фамильярность, мессир, — отчеканил Ион, глядя строго перед собой. На его лбу выступила испарина. — Не подумал.

Только тогда я позволил мышечной маске лица смягчиться. Отступил на шаг, снова сгорбив плечи. Колокольчик звякнул жалобно и виновато.

— То-то же, — буркнул я уже своим нормальным, хриплым баритоном, отворачиваясь к карте. — Что по катакомбам?

Ион сглотнул, переводя дух, и взял указку. Руки у него больше не дрожали, но взгляд оставался настороженным.

— Тихо. Западный сектор чист. Мы прошлись эхом по старым штрекам Роттенбургов — пустота. Камни холодные. Если там и есть матка, она спит глубже уровня грунтовых вод. Или ее вообще нет внизу.

Я кивнул, запоминая схему. Значит, источник действительно во дворце. Среди тех, кто дышит этим воздухом каждый день.

— Передай весточку «Плащам». Все тени, что едут на охоту, знают протокол?

— Знают. «Ржавый» снова в деле, — Ион позволил себе крошечную ухмылку. — Егеря получили приказ прикрывать вашу спину, если граф решит метнуть в вас копьё вместо кабана. Во имя сохранения инкогнито, разумеется.

— Славный мальчик, — я похлопал его по плечу, возвращая маску добродушного идиота. — Пойду развлекать пуб-

лику. Если Ренар упадет с лошади — надеюсь, что он сломает именно шею.

Я вышел на яркий утренний свет. Двор затих ровно на три секунды — время, необходимое аристократии, чтобы осознать появление раскрашенного чудовища. Затем раздались сдержанные смешки.

Моя лошадь стояла у крыльца. Найтингейл. Черная как вороново крыло, без единого пятнышка. Порода келесская — высокая, нервная, созданная для войны и долгой скачки. Личный подарок короля Вильгельма два года назад. Придворные до сих пор чесали языки, пытаясь понять, какую государственную тайну или чью жизнь спас королевский паяц, чтобы получить зверя стоимостью в годовой налог провинции. Они не понимали одного: королю нужен был при дворе человек, способный передвигаться быстрее слухов. И ему плевать было, во что этот человек одет.

Найтингейл всхрапнула, учуяв мой запах — смесь краски, пота и скрытого напряжения. Я успокаивающе похлопал ее по шее, проверяя подпругу. Узлы ремней завязаны намертво. Петля ножа на голени свободна.

— О! — пьяный рев прорезал утреннюю прохладу. — Посмотрите, кто вылез из своей корзины! Раскрасился, как шлюха на ярмарке!

Граф Ренар дю Плесси сидел в седле своего тяжеловоза. Огромный, краснолицый, небритый. От него несло кислятиной — опохмелиться он явно не успел, а головная боль де-

лала его еще более злым. Его маленькие глазки смотрели на меня с предвкушением мелкой, грязной расправы. Король запретил трогать меня вчера, но не сегодня. Мы ехали в леса. Там закон — это воля самого сильного охотника.

Я повернулся к нему. Медленно. Позволил солнечному свету отразиться в моих нарисованных глазах. Наклонил голову набок, так что шея хрустнула. И расплылся в самой широкой, самой восторженной улыбке, на которую был способен.

— Граф! — воскликнул я, всплескивая руками и чуть не роняя поводья. — Какое счастье видеть вашу благородную морду! Я всю ночь молился Единому Огню, чтобы он послал мне ваше общество на охоте! Без ваших мудрых советов я бы ни за что не отличил оленя от собственной задницы! Поедете рядом со мной? Обещаю держаться за ваш хвост, чтобы не потеряться!

Закончив фразу, я сделал шаг к его жеребцу и попытался погладить животное по храпу, встав прямо под занесенный для удара сапог графа. Пусть попробует ударить человека, проявляющего такую собачью преданность. Весь двор смотрит. Любая агрессия против убогого выставит самого Ренара конченным мясником.

Ренар замер с открытым ртом. Его мозг, одурманенный элем и злобой, пытался обработать эту степень абсурда. Пока он думал, я ловко увернулся от его ноги, запрыгнул в седло Найтингейла и отсалютовал ему рукой.

— Вперед, господа! Кто последний доедет до переправы — тот платит за мое вино! Последуете за мной, добрый граф? Ваша широкая спина — лучший щит от ветра!

Граф Ренар сжал челюсти так, что на скулах заиграли желваки. Я видел это краем глаза, пока поправлял съехавший набок колпак. Он понял игру: я выставил его тираном перед лицом всего двора еще до того, как мы покинули пределы Вейльгарда. Но сделать он ничего не мог — ударить королевского шута в воротах замка значило подписать себе приговор за оскорбление короны.

Ренар глухо рыкнул что-то своим людям и прищипорил тяжеловоза, намеренно вырываясь из общего строя. Его свита — такие же красномордые громилы — тут же сомкнула строй вокруг него, отрезая мне путь к «теплому» местечку за спиной графа. Один из них, бугай со шрамом через всю щеку, зыркнул на меня так красноречиво, что даже моя нарисованная улыбка чуть дрогнула. «Не стоит, господин па-яц», — читалось в его взгляде.

Я картинно вздохнул, горбя спину.

— Ах, какая жалость! — пропищал я достаточно громко, чтобы аристократы впереди обернулись. — Граф прогнал бедного калеку! Наверное, боится, что мой осел испортит воздух рядом с его благородным носом!

В этот момент Найтингейл подо мной переступила с ноги на ногу. Я взмахнул руками, нелепо вскрикнул и «едва» не завалился на бок, «чудом» удержавшись в седле только бла-

годаря коленям. Двор снова захихикал. Для них я был просто дурачком, которого укачало от свежего воздуха. Никто не заметил, как мои пальцы побелели на поводьях, а мышцы спины вспыхнули огнем от этого резкого движения. Боль от вчерашнего падения никуда не делась; она пульсировала тупым молотом между лопаток.

Сквозь шумное веселье толпы я поймал взглядом белый силуэт. Элара держалась чуть поодаль. Ее мерин — Лунь — был белоснежным, почти прозрачным, и двигался с грацией хищной кошки, совершенно не свойственной лошади для дамских прогулок. Девушка смотрела прямо перед собой, но я чувствовал ее присутствие, как чувствуют тепло очага сквозь метель. Рядом с ней гул чужих мыслей всегда стихал до шепота.

Я незаметно натянул правый повод. Найтингейл всхрапнула, послушно замедляя шаг, позволяя основной процессии уйти вперед. Мы остались вдвоем позади всех, скрытые изгибом дороги и утренним туманом.

— Благодарю за травы, — сказал я тихо, без всякого кривляния. Мой голос сейчас звучал хрипло и устало. — Ты опять спасаешь мою шкуру раньше, чем ее успевают продырявить.

Элара повернула голову. Черные волосы выбились из-под охотничьей шапочки. На бледных губах появилась слабая, теплая улыбка.

— Надеюсь, они смогли облегчить боль, — ответила она.

В ее тоне была привычная материнская забота, от которой внутри что-то странно сжималось.

Я смотрел на нее, продолжая механически улыбаться уголком рта. Врать ей было физически невозможно. Да и бесполезно — лекарь видела людей насквозь лучше моего дара. Я уснул так быстро мертвым сном, что на растирание мазями просто не осталось времени. Мое тело решило выключиться само, прежде чем я успел ему помочь.

Она вздохнула. Горько, коротко. Этот звук стоил ей больше сил, чем весь бал накануне. Она знала. Конечно, она знала.

Словно прочитав мои мысли о боли, Элара мягко потянула поводья Луня, сводя наших коней почти вплотную. Наши бедра соприкоснулись. Сквозь плотную кожу штанов я почувствовал жар ее тела. Она оглянулась на головы аристократов далеко впереди — мы отстали шагов на пятьдесят, превратившись в два одиноких пятна на серой ленте тракта.

Ее рука в тонкой перчатке поднялась. Я замер, инстинктивно ожидая подвоха, удара или очередного диагноза. Но она коснулась моей кожи. Прямо поверх перчатки я ощутил ледяные кончики ее пальцев, скользнувшие по моему запястью туда, где бешено билась жилка.

Прикрыла глаза.

Боль никуда не исчезла мгновенно. Сначала пришел холод. Острая, звенящая волна морозного воздуха прошла по позвоночнику сверху вниз, заставив волосы на шее встать

дыбом. Мурашки пробежали по рукам, концентрируясь в точке ее касания. Это было похоже на то, как если бы кто-то плеснул жидким азотом на воспаленный нерв. А затем... пустота. Тяжелый молот, долбивший мои мышцы со вчерашнего вечера, просто растворился. Спина стала гибкой, плечи опустились. Впервые за сутки я смог вдохнуть полной грудью, не чувствуя сопротивления собственных ребер.

Но закон сохранения энергии работал даже для ее целиительства. Когда я открыл глаза, мир слегка качнулся. Эллара тяжело привалилась к шее своего мерина. Ее кожа стала совсем прозрачной, синева вен на висках проступила ярче обычного. Она потратила остатки своих жизненных сил, чтобы залатать мое разбитое эго вместе с мышцами.

— Осторожнее, леди, — я перехватил повод ее коня левой рукой, поддерживая девушку за локоть правой. Мерин фыркнул, недовольный сменой управления, но подчинился. — Если вы упадете в обморок, Ренар решит, что это отличная мишень для стрельбы из лука.

— И как вы с этим живете? — прошептала она, не открывая глаз. Голос был ватным, сонным. — С этой болью.

Убедившись, что наш маневр остался незамеченным — толпа впереди слишком увлеклась обсуждением гончих — я отпустил ее руку и чуть отстранился, возвращая дистанцию. Натянул маску обратно. Нельзя давать двору пищу для сплетен длиннее пяти минут.

— Дураку и море по колено, — беспечно отозвался я,

щелкая языком, чтобы подбодрить Найтингейл. — К тому же, когда голова забита мыслями о том, куда пристроить очередной бубенчик, на душевные страдания просто не остается сил и памяти.

Элара закатила глаза, но на этот раз в жесте не было раздражения. Только бесконечная усталость. Она промолчала, принимая мою ложь как щит. Мы ехали так около получаса. Не разговаривали. Просто дышали одним воздухом. Белый мерин и черная кобыла шли ноздря в ноздю, создавая крошечный островок покоя посреди надвигающейся бури интриг. Мне начинало казаться, что ради таких вот тридцати минут тишины можно терпеть и короля, и катакомбы, и собственную гниющую душу.

Впереди, нарушив вязкую дремоту леса, раздался истошный, пьяный рев:

— ГОНЧИЕ ПОТЕРЯЛИ СЛЕД, А СВИНЬИ УЖЕ ПЬЯНЫЕ!

Голос принадлежал графу. Судя по тону, он нашел чей-то чужой шатер и уже начал праздновать убийство кабана, который еще даже не вышел из кустов.

Я виновато улыбнулся Эларе, без слов говоря — прости, вынужден тебя покинуть. Она лишь нахмурилась в ответ на эту фальшивую эмоцию, прекрасно понимая, что ждет меня там, впереди.

Я хлопнул Луня по крупу, отправляя его рысью дальше по дороге, а сам вонзил шпоры в бока Найтингейл. Черная

молния сорвалась с места, разбрасывая комья влажной земли. Время возвращаться на сцену.

1.4

Лагерь напоминал растревоженный улей, в который плеснули кипятка. Гончие заходились лаем, путая следы; егеря орали друг на друга, пытаясь выстроить линию загона, а лошади аристократов ржали и вставали на дыбы, чую запах хищников из леса.

Королевский шатер — огромный, из тяжелой бордовой ткани с золотым шитьем — уже стоял монолитом посреди этого хаоса. Полотнища были плотно зашнурованы. Вильгельм не любил утренний холод и суету разбивки лагеря. Он предпочитал въезжать в готовую крепость, где пахнет жареным мясом, а не потом слуг.

Я спрыгнул с Найтингейл еще до того, как она полностью остановилась. Передал повод подбежавшему конюху, мимоходом сунув ему мелкую монетку за то, чтобы кобыле дали сахара, а не просто привязали к колу. Черная шерсть блестела от пота, бока тяжело вздымались. Хорошая девочка.

— А вот и наша раскрашенная вошь! — проревело сбоку.

Ренар вывалился из-за повозки с провизией. Его лицо цветом теперь напоминало перезрелую свеклу, а глаза казались еще меньше из-за опухших век. Похмелье смешалось с утренней злобой, превратив графа в ходячий бочонок с по-

рохом. Свита за его спиной ощерилась в ухмылках — им нравилось смотреть, как хозяин унижает королевского любимчика.

— Граф, — я всплеснул руками, едва не задев колокольчиками нос ближайшего стражника. — Вы так громко кричите! Я уж подумал, вы кабана родили прямо в седле! Хотя по форме вашего живота это было бы неудивительно!

Ренар побагровел еще сильнее, хотя казалось, что дальше некуда. Его огромная ладонь метнулась к рукояти охотничьего ножа.

— Бегать быстро научился, шут? — просипел он, делая шаг вперед. От него несло кислым вином и несвежим железом. — Раз ты такой резвый, иди-ка пособирай для нас хворост. Да смотри, чтоб ветки были ровные, иначе я тебе хребет переломлю об колено!

Его свита одобрительно загоготала. План был прост: заставить меня бегать по лагерю под их гогот, пока они будут пить подогретое вино. Классика жанра.

— Хворост? О-о-о, граф... — я закатил глаза так сильно, что чуть не потерял равновесие. — Как прозаично! Моя тонкая артистическая натура требует огня более возвышенного! Например...

Резким движением, слишком быстрым для шута, я развернулся на пятках. Мой локоть описал широкую дугу и врезался точно в грудь молодому лакею Ренара, который как раз пытался вбить опорный кол в каменистую землю. Мальчиш-

ка — лет шестнадцать, не больше — охнул, выпустил молоток и рухнул навзничь, подняв облако пыли. Неудачно повернутая нога зацепила соседний кол. Тот выскочил из земли. Тяжелый деревянный каркас палатки графа, лишенный опоры, протяжно заскрипел и начал медленно, величественно складываться внутрь, словно карточный домик.

Раздался треск рвущейся парусины и звон бьющейся посуды внутри.

На секунду воцарилась тишина. Даже собаки притихли.

Лицо Ренара начало приобретать оттенок грозового неба перед ударом молнии. Рука легла на меч.

— Ты... мертвец... — выдохнул он, хватая воздух обоженным горлом.

Пора было тушить пожар, пока мне не подпалили колпак вместе с головой. Я сделал испуганное лицо, округлил рот буквой «О» и резко присел, закрыв голову руками, изображая крайнюю степень паники. Но прежде чем упасть в грязь, моя левая рука нырнула в притороченную к поясу сумку. Пальцы нащупали прохладное стекло.

— ГРАФ! СПАСИТЕ! — взвыл я, но тут же выпрямился, молниеносным движением выдергивая пробку из тяжелой бутылки темного стекла. Запах выдержанного островного рома и можжевелька ударил в ноздри раньше, чем жидкость попала в горло. — Ваше лекарство от головной боли! Самое крепкое! Сам стащил у вашего оруженосца, пока тот отвечивал поклоны воронам!

Я буквально впихнул горлышко бутылки в приоткрытый от ярости рот Ренара.

Граф замер. Нос уловил аромат алкоголя. Желудок, скрученный спазмом абстиненции, отозвался голодным урчанием. Звериный инстинкт победил человеческую злость.

Ренар вырвал бутылку из моих рук. Одним махом запрокинул голову. Кадык на красной шее судорожно дернулся три раза. Он пил огромными глотками, как умирающий от жажды в пустыне. Когда он оторвался, по его щетинистому подбородку текли мутные слезы вперемешку с алкоголем.

Он рыгнул. Громко, утробно. Протянул пустую бутылку обратно своему оруженосцу, даже не глядя на него. Взгляд маленьких глазок стал масляным, расфокусированным. Угроза смерти сменилась благодушной сытостью.

— Шутовская морда... — протянул он почти ласково, хлопая меня по плечу тяжелой ладонью. От удара я пошатнулся вполне натурально. — Доберусь я до тебя... попозже... кишки на рогатину намотаю...

— Всенепременно, мой добрый господин, — я согнулся в самом глубоком и льстивом поклоне, на который только был способен, пряча торжествующую усмешку. — Буду ждать вашей милости с нетерпением висельника!

Не дожидаясь, пока алкоголь в крови графа снова превратится в чистую агрессию, я развернулся и быстрым шагом направился прочь. Мимо остова рухнувшей палатки, мимо ругающихся слуг, туда, где возвышался бордовый купол ко-

ролевского убежища.

Здесь царила звенящая тишина. Стража у входа стояла неподвижно, как статуи из черного гранита. Никто не смел дышать рядом с логовом Сломленного без прямого приказа.

Я проскользнул за полог без стука. Внутри пахло затхлостью, старым бархатом и паранойей. Король сидел в походном кресле. Вокруг него сустились два камердинера, поправляя складки тяжелого мехового плаща, сброшенного поверх дублета.

Вильгельм IV выглядел так, будто провел ночь не в мягкой постели своей столицы, а в ледяной воде. Кожа пергаментная, туго натянутая на кости черепа. Губы серые. Но взгляд... взгляд был ясным. Пугающе ясным. Водянистые голубые глаза следили за каждым движением слуг, ни разу не моргнув. Это была та стадия бодрствования, которая хуже любого сна — состояние сжатой пружины, готовой распрямиться и снести челюсть любому, кто окажется на пути.

Один из слуг заметил меня и открыл рот, чтобы возмутиться присутствию грязного шута в святилище монарха, но король поднял указательный палец. Жест был едва заметным, но слуга подавился собственным дыханием и отступил в тень.

Вильгельм смотрел на меня долго. Оценивающе. Так патологоанатом смотрит на интересный образец опухоли.

Наконец сухие, тонкие губы шевельнулись:

— Они опять пытались тебя убить, Альд?

Голос короля звучал тихо, но заполнял собой все пространство шатра. Никакого удивления. Только констатация факта. Утренняя рутина: завтрак, проверка караулов, попытка дворцовой знати свернуть шею королевскому дураку.

Я позволил маске Шута осесть, оставшись стоять ровно. Колокольчики молчали.

— Всего лишь дружеская потасовка, сир. Граф Ренар очень соскучился по моему обществу. Пришлось пожертвовать палаткой, чтобы утолить его жажду общения. И ромом.

Уголок губ Вильгельма дрогнул. Впервые за утро. Это нельзя было назвать улыбкой — скорее, трещиной в замерзшем озере.

— Ром... Хорошо. Если Ренар будет слишком активно размахивать копьём сегодня — дай ему промахнуться. Мне надоели визиты его кредиторов ко двору.

Он перевел взгляд на своих камердинеров:

— Пошли вон. Все.

Слуги испарились быстрее тени в полдень. Мы остались одни. Король тяжело вздохнул, и кресло под ним жалобно скрипнуло.

— Садись, — кивнул он на низенький табурет напротив. — Рассказывай. Что нашел твой нюх в столице, пока мы тряслись в этих каретах? И почему у моего лекаря руки дрожат так, будто она держит ими собственную смерть?

Мои внутренности сжались в ледяной ком. Значит, Элара уже успела попасться ему на глаза. Для Вильгельма чужая

слабость — это зараза. А болезнь личного лекаря означает, что яд может достать кого угодно. Включая его самого.

Я опустил на табурет. Колени скрипнули, но не от боли — старая шутовская привычка делать тело мягким и податливым даже в присутствии смерти.

— Изольда Крейвенхолл взята под плотное наблюдение, — начал я без предисловий. Мой голос звучал ровно, лишенный обычных писклявых ноток. Здесь, в шатре короля, Шут оставался за порогом. Говорил Глава Теней. — Двое моих людей следуют за ней. Если она попытается покинуть лагерь или передать весточку, мы узнаем первой же ночью. Скрипачи Роттенбургов... больше не играют. Ион вскрыл их инструменты: полость в деке альты, три ампулы чистой вытяжки. Первый скрипач пытался раскусить стекло при задержании. Зубы ему вернули, язык тоже. Он молчит. Просто улыбается и говорит о Единстве. Сейчас уже пепел.

Я сделал паузу, давая королю переварить информацию. Вильгельм слушал неподвижно. Только пальцы, лежащие на подлокотниках, едва заметно побелели, впиваясь в дерево. Его серебряная нить пульсировала ровно, но с тем самым лихорадочным напряжением параноика, который ждет удара из-за каждой складки ткани.

— Дворец перетряхивают сверху донизу, — продолжил я. — Катакомбы осушают секциями. Проверяем каждый камень со времен первых королей. Пока пусто. Споры находят только у контрабандистов внизу, в трущобах. Источник

внутри стен исчез, как только мы начали копать всерьез.

Король долго молчал. Слушал шелест ветра по парусине и жужжание одинокого насекомого, бьющегося о фонарь. Когда тишина стала невыносимой, он произнес всего два слова:

— Опять ничего.

Внутри меня что-то сухо щелкнуло, словно ломающаяся ветка. Я бесшумно стиснул зубы так, что заныла челюсть. «Ничего». Конечно, ничего. Мы ловим слепых муравьев, пока матка сидит прямо у нас под носом, возможно, греясь у очага в его собственной спальне. Вся эта поездка, весь этот фарс с охотой — лишь способ убрать меня подальше от столицы, где мои люди могли бы работать эффективнее. Или способ подставить под кабаньи клыки Ренара. Одно другого стоит.

Но Вильгельм не закончил. Его водянистые глаза, обычно смотрящие сквозь собеседника, сейчас сверлили меня насквозь.

— Ты сказал про столицу. Но ты промолчал о лекаре. Меллис выглядит так, будто ее пропустили через мясорубку. Почему?

Сердце пропустило удар. Вот оно. Король видит всё. Особенно чужую слабость.

Мозг заработал с бешеной скоростью, просчитывая варианты. О крови на платке — ни слова. Это вызовет панику, сравнимую с известием об измене гвардии. Об истощении дара? Частично. Ложь должна пахнуть правдой.

— Она чиста, сир, — ответил я, глядя ему прямо в расширенные темнотой зрачки. — Я проверял сам. Вчера вечером. Серебряная нить цела, узлов нет. Ни единого. Ее болезнь... иного толка. В пути. Видите ли, граф дю Плесси вчера был недостаточно вежлив. Пришлось использовать мою спину в качестве амортизатора при падении. Элара латала трещины в ребрах своим даром. Вы же знаете, чем платят за ее милосердие — собственным жизненным теплом. Она выгорела, спасая вашу собственность.

Это была правда. Горькая, неудобная, почти оскорбительная для монарха, но чистая, как дистиллированный спирт. Я действительно чувствовал холод ее пальцев и видел, как она качнулась в седле после того лечения.

Вильгельм нахмурился еще сильнее. Мышцы на его шее натянулись, превращая кадык в острый угол. Он искал ложь. Искал подвох в моих словах, потому что мысль о том, что кто-то может просто устать, спасая ближнего, казалась этому миру противоестественной. Не найдя фальши — а мой дар так же сейчас молчал, выдавая абсолютную искренность — он медленно кивнул.

— Девчонка слишком добра, — хрипло проронил король. — А твоя спина слишком часто нуждается в ремонте. Найди себе другие способы развлекаться с графами, Альд. Мне надоело платить целителям за то, чтобы они воскрешали моего шута после каждого бала. Держись от нее подальше, когда тебе скучно.

Это было привычное старческое ворчание. Забота, завернутая в колючую проволоку презрения. Разрешение уйти.

Я поднялся одним плавным движением. Поклонился — глубоко, но без раболепия, сгибаясь в поясе ровно настолько, насколько требовал этикет для моего положения.

— Как прикажете, Ваше Величество. Но если моя спина снова решит развалиться посреди охоты, боюсь, мое падение будет гораздо громче вчерашнего. Могу случайно сбить вашего оленя. Своим телом.

Я позволил легкой, беззлобной усмешке тронуть губы. Типичная шутка, призванная разрядить обстановку.

Король никак не отреагировал. Даже не повернул головы. Лишь махнул рукой — сухой, раздраженный жест, отгоняющий назойливую муху. Аудиенция была окончена.

Я выскользнул из-под полога обратно в утреннюю сырость лагеря. Глубоко вдохнул запах дыма и псины. Внутри разлилось глухое удовлетворение. Он верит.

Слух уловил знакомый ревливый бас, перемежающийся пьяным смехом. Я поднял взгляд. На краю поляны, там, где топь переходила в твердый лес, возвышался бордовый купол. Палатка Ренара стояла идеально ровно. Растяжки натянуты, центральный шест укреплен дополнительными подпорками, дымок из печной трубы идет строго вертикально.

Шустрые у него слуги. Пока я тратил время на уговоры полусонного параноика, эти крысы успели обустроить целое поместье.

Что ж. Значит, граф хорошо выспался и готов к развлечениям. Нужно пойти поздороваться. Уверен, он очень хочет обсудить со мной правила постановки охотничьих палаток.

1.5

Рассвет в Северных Пустошах пах озоном и гнилью. Низкий туман цеплялся за стремена, делая людей похожими на призраков, восставших из торфяных болот.

Сбор объявили звуками охотничьих рогов — надсадный вой меди разнесся над лагерем, срывая остатки сна с лиц аристократов. Началась суeta: слуги затягивали подпруги, псарии удерживали рвущихся с поводков волкодавов, а конюхи подсвечивали факелами ноздрей лошадей, проверяя дыхание.

Я стоял у Найтингейл, игнорируя ледяной ветер. Удивительно, но «выездной» костюм Шута сегодня выглядел почти уместно среди пестрой толпы дворян — плотная кожа, замша, минимум звонкого металла. Только лицо под слоем грима было лишено привычной веселости. Оно напоминало маску из папье-маше, которую забыли раскрасить до конца — просто застывшая оболочка.

Король Вильгельм уже сидел в седле своего массивного дестриэ. Он не смотрел по сторонам, буравя взглядом затылок капитана гвардии впереди. Идеальный штиль перед штормом паранойи.

Я лениво смотрел как тяжелой походкой ко мне шел ка-

питан егерей графа Ренара — тот самый бугай со шрамом.

— Его светлость распорядились, — пробасил он, кивая в сторону головного отряда, где гарцевал красный от нетерпения граф. — Шутовские байки хороши для дворцового паркета, парень. А здесь земля дикая. Кабану плевать, звенят твои бубенцы или нет. Держись позади обоза с провизией. И если твой осел испортит нам след воем, я лично скормлю тебе его же колпак.

Я медленно повернул голову. Снял свой дурацкий колпак с бубенцом и отвесил глубокий, издевательский поклон прямо в лицо егерю. Спина отозвалась тупым эхом вчерашней боли, но внешне я остался расслабленным.

— О, мессир Егерь! Какая честь! — пропищал я высоким тенором, от которого сводило скулы. — Вы предлагаете мне место в свите мешков с репой? Я польщен. Всегда мечтал узнать, как пахнет брюква изнутри. Надеюсь, кабан оценит мою жертву и съест меня первым, чтобы вы могли спокойно допивать свое теплое пиво?

Егерь побагровел так, что шрам на щеке стал белым, как мел. Он открыл рот для очередной угрозы, но нас прервали.

— Хватит твякать, краска размазанная! — проревел сам Ренар, подъехав ближе. Его жеребец храпал, грызя мундштук. Граф был уже полупьян — видимо, успел знатно приложиться к фляге еще до трубы. — Если король хочет возить тебя как талисман — сиди тихо возле его палатки. Настоящие мужчины едут вперед. За трофеями!

Он махнул рукой своим людям. Двое молодых оруженосцев тут же оттеснили меня своими лошадьми в хвост колонны, туда, где понуро брели мулы с клетками для птиц и повозка полевой кухни.

Я позволил им это сделать. Даже пошатнулся, когда чья-то лошадь толкнула крупом Найтингейл, изображая потерю равновесия. Черная кобыла недовольно всхрапнула, прижав уши, но осталась стоять смирно.

В голове щелкали костяшки счетов. План загона прост. Ренар лезет на рожон слева. Старая Аристократия держит центр, боясь запачкать сапоги. Король... Король будет там, где безопаснее всего — чуть правее центра, под двойной охраной моих лучших клинков, переодетых в гвардейцев Его Величества. Проблем быть не должно. Моя работа сейчас — быть приманкой и шумовым прикрытием. Пусть думают, что шут боится промочить ноги. Главное, чтобы они смотрели на мой колпак, а не на то, как люди Иона занимают позиции вдоль кромки леса.

— Как скажете, ваша тушность, — крикнул я вслед удаляющемуся графу, прижимая руку к сердцу. — Обещаю держаться за задний хвост вашего мерина! Говорят, вид оттуда открывает потрясающие перспективы вашей спины!

Кто-то из знати хихикнул. Ренар зарычал, но прищипорил коня, потеряв ко мне интерес. Дурачок сделал свою работу — развлек толпу перед скучным ожиданием.

Третий рог протрубил протяжно и глухо.

«Седлай».

Колонна пришла в движение. Застучали копыта о мерзлую землю. Впереди раздался азартный лай собак и громогласные команды егерей. Охота началась.

Я глубоко вдохнул запах дыма и прелой листвы. Боль в ребрах притупилась, сменившись тем самым холодным спокойствием ртути, которое всегда приходило перед хорошей дракой.

Найтингейл сделала первый шаг вслед за обозом. Мы были последними. Самое безопасное — и самое удобное — место для того, кто ждет нападения сзади.

Мы шли рысью около часа. Туман сменился мерзкой изморосью, оседающей на ресницах и размывающей грим на лице в грязные серые подтеки. Впереди азартно трубили рога — слишком часто, слишком фальшиво. Аристократия развлекалась: первые пристрелочные олени уже падали под копыта загонщиков. Я слышал их предсмертный хрип даже сквозь топот копыт и лай своры.

Для меня это был не лес. Это была река человеческих пороков, текущая сквозь деревья. Мой дар работал без выходных. Слева от меня барон Валески исходил похотью, глядя на круп лошади леди Фонтейн — я чувствовал этот жар щекой. Справа юный паж дрожал от животного ужаса перед темным ельником — его страх пах мокрой псиной и скисшим молоком. Обычный фон. Шумовая завеса.

Я лениво сканировал лица всадников вокруг обоза. Ища

аномалии. Зараженные Садовники никогда не потеют по-настоящему. Их кожа сухая, а движения слишком плавные для подпрыгивающей на кочках рыси. Они смотрят прямо, не моргая, когда лошадь шарахается от зайца. Но здесь, в хвосте колонны, были только скучающие солдаты, злые слуги и парочка таких же никчемных дворян, как я. Пусто.

Именно поэтому я чуть не пропустил момент, когда охота перестала быть фарсом.

Впереди раздался не визг раненого зверя, а треск валежника — такой звук издает дерево, когда падает на дом. Басистый, вибрирующий рев, от которого задрожала земля под копытами моего «осла».

Найтингейл всхрипнула и сама перешла в галоп, вытягивая шею. Она знала этот запах. Запах дикого, первобытного железа.

— Секач! Черный Князь! — пронеслось над колонной.

Адреналин ударил в кровь сухим кипятком. Заболело всё сразу: ребра, спина, скулы под слоем краски. Мир сузился до точки. Звуки смазались. Осталось только тяжелое дыхание тысячеголосой толпы впереди и этот низкий, вибрирующий утробный рык из чащи.

Колонна сломалась. Уставшие от долгого пути мулы кухни замешкались, создав пробку. Ренар, давно забыв обо мне, с боевым кличем, больше похожим на икоту пьяницы, ринулся вперед, размахивая рогатиной. За ним устремилась вся знать — жажда крови оказалась сильнее этикета.

Меня понесло потоком. Я сидел глубоко в седле, слившись с Найтингейл, позволяя ей самой выбирать путь между бьющими по лицам ветками. Моя задача сейчас — выжить и смотреть.

Но что-то было не так.

Мой взгляд профессионального наблюдателя наконец-то сфокусировался не на людях, а на картине охоты целиком.

Секач шел против логики. Любой нормальный зверь, поднятый собаками, рвется в глухие заросли, пытается уйти водой или затоптать след. Этот черный гигант пер перпендикулярно нашему движению. Он не убегал от людей. Он бежал на них. Точнее — он отсекал голову колонны от хвоста.

И собаки... Свора молчала. Сто двадцать фунтов тренированных убийц, способных разорвать волка, сейчас жались к ногам лошадей егерей, поскуливая и поджимая хвосты. От них воняло не азартом, а паническим ужасом. Животные чувствовали то, чего еще не поняли двуногие: этот кабан не был дичью. Он был тараном.

Ветер сменил направление, ударив в лицо запахом торфяника и чего-то сладковато-гнилостного. Споры. Не те, что продают в трущобах ради легкой смерти. Дикие. Древесные.

Заражение? Здесь? Сейчас?

Ренар вылетел на поляну первым. Его красный камзол казался нелепым пятном на фоне черной туши. Граф взревел, опуская рогатину.

Кабан даже не замедлился. Он просто принял удар сталь-

ного наконечника на лоб. Раздался оглушительный скрежет металла о кость. Рогатина разлетелась в щепки, как сухая лучина. Удар отбросил тяжелого графа назад, вышибив из седла. Жеребец встал на дыбы, сбросил второго охотника и рухнул замертво со вспоротым брюхом — один точный удар нижнего клыка прошел сквозь кольчужную попону, как через масло.

Тишина. На секунду воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Даже король замер на своем месте в центре, опустив лук.

А потом секач поднял голову. Малкие глазки-бусинки нашли цель. Меня. Или нет. Он смотрел поверх моей головы, туда, где на белом коне сидел Вильгельм IV.

Зверь набрал скорость. Земля буквально дрожала.

Королевская гвардия приходила в движение слишком медленно. Охрана короля обучена защищать от клинка наемника или стрелы из кустов. Никто не учил их останавливать живую катапульту весом в полтонны, которая движется быстрее ветра.

Мои люди в начале колонны кричали, пытаясь перестроить линию, но их голоса тонули в общем хаосе. Король сидел бледный как смерть. Водянистая голубизна его глаз отражала несущуюся гибель. Он парализован. Мой дар ослеп — от этого зверя не исходило ни капли страха, только чистая, концентрированная ярость улья.

У меня есть три секунды. Две. Одна.

Страх сотен аристократов за спиной вспыхнул бесполезными искрами — они боятся за свои шкуры, это лишь шумит в ушах. Мне нужен рычаг. Нужна физика.

Найтингейл поняла меня раньше, чем я сжал колени. Черная молния метнулась вправо, уходя с линии атаки. Я бросил тело влево, вбок, чувствуя, как трещат швы на куртке и взрываются болью недолеченные ребра.

Мир перевернулся.

Грязь летела в лицо.

Прыжок.

Я врезался в короля сбоку всем своим весом. Мы полетели в грязь вместе — монарх Астерии и королевский шут. Тяжелый дублет Вильгельма выбил из моих легких остатки воздуха.

Над нами, закрыв небо черной горой мышц и окровавленных бивней, пролетела смерть. Кабан промахнулся буквально на ладонь. Воздушная волна от его бега сорвала мой колпак. Деревянная голова шута покатилась по грязи, остановившись у самых копыт белого коня Эллары.

Мы лежали в ледяной жиже. Надо мной дышало смертью.

Рядом судорожно хватал ртом воздух король. Его серебряная нить души пульсировала так быстро, что казалось — она вот-вот оборвется от разрыва сердца.

Где-то сзади истерично заревел голос Ренара:

— УБИЛИ! ПОКУШЕНИЕ! ОХРАНА КОРОЛЯ!

Болван. Единственное покушение сегодня совершил лес-

ной боров, и оно провалилось благодаря краске на моем лице.

Глава 2

Я лежал, вжимаясь щекой в ледяную грязь. В рот набилась торфяная жижа и прелая листва. Сверху пахло мокрой шерстью, кровью и тем самым сладковатым тленом, который я учуял еще до атаки. Серебряная нить короля билась под моим плечом — паническая тахикардия, пульс за двести. Он жив. Это главное.

Белый мерин Эллары встал на дыбы, когда кабан пронесся мимо, но девушка удержалась. Не прошло и секунды, как она уже была на земле. Спрыгнула прямо в эту кашу, не заботясь о юбках и сапогах из тонкой кожи.

— Альд! — её голос прорезал общую истерику. Она упала на колени рядом со мной, хватая за плечо. Пальцы холодные, дрожащие.

Я отмахнулся от неё здоровой рукой, отталкивая прочь. Жест получился грубым, почти жестоким.

— К нему иди, дура! — просипел я, кивая на Вильгельма. Король пытался сесть, его лицо стало цвета мела с синими пятнами удушья. — У него сердце сейчас лопнет!

Она даже не огрызнулась. Профессиональный долг мгновенно выжег из неё всякую жалость ко мне. Перекатилась по грязи ближе к монарху, рывком распуская шнуровку на его дублете, чтобы дать грудной клетке ход.

Я попытался опереться на локоть, чтобы встать. Ошибка.

Ребра, которые она так бережно штопала утром, хрустнули разом, все сразу. Боль взорвалась под лопатками ослепительной белой вспышкой. Воздух выбило из легких беззвучным спазмом. Ноги подкосились, и я снова рухнул лицом вниз, прокусив губу до крови. Чертов граф. Чертова охота. Меня только утром избавили от этой пытки, а сейчас кости снова сводит судорогой, словно их зажимают в тисках.

Терпеть. Дышать мелко, животом. Главное — не отключиться здесь, пока гвардия суетится вокруг короля, создавая хаос.

Осторожными, скользящими шагами человека, идущего по битому стеклу, я пополз к Найтингейл. Черная кобыла стояла в десяти футах, прижав уши, но целая. Копыта не повреждены, глаза ясные. Только седло перекосило. Я вцепился в луку седла, подтягиваясь вверх. Мышцы горели огнем. Каждый вдох отдавался кинжальным ударом в бок. Но шут должен быть в седле. Шут всегда возвращается в седло.

Когда я кое-как утвердился сверху, тяжело свесившись набок, ко мне подошли двое. Серые плащи, лица без примет. Ион велел им присматривать за «информатором», если запахнет жареным. Они явно ожидали увидеть шута в истерике или валяющегося в обмороке.

— Цел, мессир? — тихо спросил один, поддерживая мою лошадь под уздцы.

Я поднял голову. Грим наверняка потек, превратив меня в демона из бродячего цирка. Внутри всё сжалось от злости

на собственную беспомощность.

— Отстань, — выдохнул я, пытаюсь выпрямиться. — Что с кабаном?

Они переглянулись. На долю секунды в их глазах мелькнуло замешательство. Шута спрашивают не о здоровье, а он о состоянии туши зверя.

— Забили, — ответил второй. — Егеря добили копьями, когда он застрял в буреломе. Мясники уже начали разделывать.

— Образцы, — прохрипел я. Кровь во рту мешала говорить. — Ткань. Печень. Кровь. Всё, что сможете вырезать быстро. Его накормили спорами. Или чем-то похуже. Он шел на монарха, игнорируя собак. Это не бешенство. Это направленный вектор. Выполнять.

Тени молча кивнули. Им было плевать на мои ребра, но приказы они привыкли исполнять дословно. Развернувшись, они двинулись туда, где гвардейцы пытались оттеснить толпу от огромной черной туши. Теперь для них я был не просто информатором. Я был источником команд, отдающим распоряжения голосом, начисто лишенным шутовства.

Охота умерла быстрее, чем загнанный олень. Труба протрубила отбой — рвано, тревожно. Аристократия, поняв, что вместо героических баек получит допросы и сплетни, начала спешно расседлывать лошадей, пряча глаза. Ренар орал на капитана гвардии, обвиняя всех в заговоре, но его уже никто не слушал.

Элара всё еще хлопотала над королем. Когда процессия начала выстраиваться обратно к замку, она попыталась вырваться, бросив последний взгляд в мою сторону.

Но путь ей преградил капитан лейб-гвардии.

— Леди Меллис, — отрезал он, хотя по протоколу должен был падать ниц перед королевским лекарем. — Приказ короля: не отходить от него ни на шаг. Если господин шут издохнет в канаве — это будет трагедией двора. Если издохнет король — это будет концом Астерии. Займите свое место.

Он буквально втолкнул её в седло позади одного из охранников, вплотную к королю. Элара обернулась, её губы беззвучно шевельнулись — то ли ругательство, то ли заклинание бессилия. Наши взгляды встретились через головы стражи. Я слабо улыбнулся ей уголком рта — дескать, всё нормально, справлюсь. Она лишь нахмурилась в ответ, качая головой, и отвернулась. Её ладони легли на плечи Вильгельма. Белый конь фыркнул и тронулся шагом во главе колонны.

Моя очередь была последней. Найтингейл шла тяжело, опустив голову. Я держался за луку седла одной рукой, вторую прижимая к правому боку, чувствуя, как там медленно формируется огромный, горячий кровоподтек. Каждый скачок лошади вбивал осколки стекла глубже между моих ребер.

Ворота замка проглотили нашу процессию с глухим стуком. Во дворе царила суeta, но уже не охотничья — деловая. Слуги бегали с ведрами горячей воды для короля, стра-

жа оцепляла казармы псарей, а Ренар всё еще багровел у конюязи, размахивая руками перед лицом побледневшего капитана гвардии. На шута никто даже не посмотрел. Для них я был просто грязным пятном на дорогом седле Найтингейл, которое вот-вот свалится в собственную блевотину.

Именно это пренебрежение сейчас спасало мне жизнь.

Я соскользнул с кобылы прямо в руки подоспевшему Иону. Земля качнулась навстречу слишком быстро. Колени подогнулись, и если бы не его плечо, я бы украсил дворцовый булыжник отпечатком своего лица.

— Эк тебя приложило, шеф, — хмыкнул лейтенант, закидывая мою руку себе на шею. От него пахло железом, дешевым табаком и абсолютной трезвостью. — Выглядишь так, будто кабан пытался высосать твою душу через ребра.

Я хотел огрызнуться, что-то съязвить, но из горла вырвался только сиплый выдох. Каждый шаг по направлению к западному крылу отдавался вспышкой белого огня под лопаткой.

Мы нырнули в неприметную дверь для прислуги. Коридоры здесь были узкими, пахнущими кухней и сыростью. Мимо пробежала горничная с тазом; она бросила на нас равнодушный взгляд — два пьяных приятеля возвращаются с гулянки — и поспешила дальше.

Шутовская каморка встретила меня привычным беспорядком. Я оперся рукой о стол, пытаюсь восстановить дыхание, пока Ион задвигал засов.

— Панель, — просипел я.

Лейтенант кивнул. Его пальцы уверенно нажали на последовательность завитушек резного шкафчика. Дерево сухо щелкнуло, отъезжая в сторону. За ним открылся проход в мои покои. Никакой пыли, никакого шутовского тряпья. Только факелы, карты Севера на столе и запах озона от защитных печатей.

Ион практически волоком дотащил меня до кресла.

— Так, комедианты закончились, — его голос стал жестким, лишенным обычных подколов. Он упал на колени, начав расстегивать пряжки моей куртки. — Подними руки. Если там открытый перелом или внутреннее кровотечение, ты истечешь кровью прямо на мой любимый сапог, а мне потом писать отчеты.

Он содрал с меня кожаный колет. Ткань рубахи прилипла к коже намертво, пропитавшись сукровицей. Когда Ион рванул её, чтобы осмотреть бок, боль была такой острой, что перед глазами поплыли красные круги. Я вцепился в подлокотники кресла, скрипнув зубами так громко, что эхо отразилось от сводов.

Картина была живописной. Правый бок представлял собой один сплошной черно-лиловый синяк, вздувшийся пузырем. Три нижних ребра справа определенно сломаны, одно — трещина. Удивительно, как легкое еще цело.

— Постельный режим, — констатировал Ион, профессионально ощупывая края гематомы. Его касания были уверен-

ными, почти нежными, без всякого злорадства. — Недели две минимум. Никаких крыш, никаких допросных. Ты сейчас разваливаешься на запчасти, Альд. Любое резкое движение — и твоя печень скажет нам «прощай».

Я попытался оттолкнуть его руку. Встать. Мне нужно было проверить посты. Нужно было отправить людей к Эларе...

— К демонам постель... — выдавил я. — Ульё во дворце, а мы тут прохлаждаемся...

Собственный голос прозвучал жалко. Голова кружилась от потери крови и болевого шока. Я вдруг ясно осознал: бродить по замку в таком состоянии — верх идиотизма. Меня выдаст не хромота. Меня выдаст отсутствие страха. Сейчас я пуст. Мой дар выключен физиологией — телу нечем вырабатывать адреналин. Любой Садовник посмотрит на меня и поймет, что внутри осталась только холодная оболочка. Это будет провал.

— Хорошо, — сдался я, тяжело откидываясь на спинку. — Два дня. Но только здесь. Привези мне чистую одежду. И бумагу.

Ион удовлетворенно кивнул, словно ждал этой капитуляции. Помог мне переодеться в свободную льняную сорочку, которая не давила на ребра. Укрыл плечи тяжелым шерстяным пледом.

— Образцы? — спросил он, разливая по кубкам вино из графина. Мне протянул разбавленное водой, теплое.

— Кровь и ткани, — я сделал глоток. Горло обожгло, но

стало чуть легче. — Передай своим лучшим анатомам. Пусть ищут следы споровой сетки внутри мышечной ткани. Не на шерсти. Кабана накормили ими принудительно, они должны быть в кровотоке.

Я перевел взгляд на карту Пустошей, висящую над столом.

— Ренар. Свяжись с людьми в его палатке. Граф орал о покушении громче всех, хотя зверь шел на монарха, а не на него. Обычная неудача на охоте не вызывает такого панического торжества. Проверь его связи с контрабандистами соли. Ему могли заплатить за то, чтобы он отвлек внимание криками, пока кто-то другой делал работу.

— Или он просто обделался со страху и теперь пытается выдать себя за героя, который предупреждал, — фыркнул Ион, но глаза его оставались серьезными. — Понял. Допрос третьей степени для его оруженосцев. Они всегда знают, где спрятано нижнее белье хозяина.

Он допил свой кубок одним глотком.

— Держи связь, — Ион поднялся, оправляя пояс. — Ответы на твои депеши каждые полчаса. Иначе я вернусь сюда вечером, и единственное, что найдут слуги — это твой гниющий труп. А объяснять, почему Глава Теней умер в постели Шута... это будет очень неловкий разговор с палачом.

Он отсалютовал двумя пальцами и скрылся за потайной панелью. Щелкнул замок.

Тишина обрушилась на комнату мягким покрывалом.

Боль никуда не ушла, но она стала фоновой, терпимой. Факелы отбрасывали длинные тени от стульев.

Я подтянул ноги на сиденье, сворачиваясь в клубок — единственная поза, при которой диафрагма могла двигаться. Зажмурился. Сон пришел мгновенно, без перехода, без сновидений. Черная, тяжелая вода сомкнулась над головой, гася пожар в разбитых мышцах. Последней осознанной мыслью было сожаление: Элара придет будить шута утром, принесет свои мази, а найдет лишь запертую изнутри дверь чужого кабинета. Она опять будет злиться на меня.

2.1

Сон оборвался не плавно, а ударом топора. Я рывком сел на кровати, хватая ртом воздух. Сердце колотилось о сложенные ребра тупым молотом, но это был просто выброс адреналина, а не агония.

Первым делом — инвентаризация боли. Медленный вдох. Выдох. Ребра стянуты тугой повязкой Иона, сделанной, вероятно, пока я спал. Тело лежит в одной позе уже часов шесть. Ничего не отбито дополнительно, суставы не вывернуты. Хорошо. Можно работать.

Мир сузился до задачи. Никаких шуточек. Никакого грима. Только холодный камень стен и пульсирующая головная боль от недосыпа.

Я сполз с кресла. Ноги держали плохо — мышцы затекли,

а бок простреливало при каждом шаге. Доковылял до стола. Старый дуб протестующе скрипнул, когда я оперся на него ладонью.

Переговорный шнур змеился по краю столешницы — толстая бечева, уходящая прямо в стену. Единственный канал, который невозможно прослушать извне без физического присутствия в катакомбах. Я дважды дернул за узел. Один раз коротко, один длинно. Код «Срочно. Лично».

На том конце ответили почти мгновенно. Сквозь дерево мембраны прошел глухой щелчок.

— Заместитель, — голос в трубке был лишен интонаций. Ни имен, ни приветствий. Лейтенант знает правила: Глава редко говорит сам, чтобы тени могли двигаться в темноте.

— Сводку, — прохрипел я. Горло пересохло и саднило.

— Зверь мертв, — начал заместитель ровным тоном. — Анатоми работают. Предварительно: мышечные волокна прошиты черной сетью. Его действительно кормили принудительно, доза смертельная для человека, кабана ввела в режим берсерка. Голод притупил инстинкт самосохранения. Враг знал, кого выпускать из леса.

Холод внутри стал еще плотнее. Рой играет грязно.

— Аристократия? — спросил я, массируя переносицу.

— Заперта в малом зале под охраной наших людей. Плачут, блюют, клянутся в верности. Толку ноль. Никто ничего не видел, кроме оленей. Ренар... чист. Как слеза младенца. Мы проверили его счета, любовниц и долги. Он просто пья-

ная скотина. Косвенная вина есть — он распугал егерей своим криком, дав зверю фору. Но приказа убить короля он не отдавал. Зато мы нашли связь получше. Последние три дня граф ужинал исключительно с Кроули. Они закрылись в покоех инквизитора после полуночи трижды.

Кроули. Желтый паук. Ему нельзя устроить допрос третьей степени — Святейший Трибунал сожжет нас раньше, чем мы успеем раскалить щипцы. Любое открытое движение против Инквизиции вызовет гражданскую войну.

— Следить, — отрезал я. — Глаз не спускать. А пока перевернуть его официальные покои вверх дном. Каждый фут половицы, каждый подсвечник. Найти тайники. Допросить всех, кто выносил оттуда корзины для белья или приносил еду за последние сорок восемь часов. Мне нужно знать, куда он ходил физически. Какие коридоры использовал. Понять вектор его перемещений.

— Будет исполнено. Что-нибудь еще?

Пальцы сильнее сжали трубку. Вопрос, который сейчас волновал меня больше, чем заговор всей Церкви.

— Где леди Меллис?

Тишина. В переговорнике слышалось легкое шипение помех. Заместитель явно не ожидал такого вопроса от Главы Канцелярии посреди государственного кризиса. Но профессионализм взял верх.

— При короле, мессир, — ответил он чуть быстрее обычного. — Всё порывается уйти. То к себе, то обратно в лабо-

раторию. Говорит, что нужны еще травы. Но монарх держит её так близко, как только может. Буквально вцепился в рукав. Боится отпустить дальше трех шагов. Если она сделает шаг к двери, гвардия решит, что это попытка побега.

Уголок моего рта дернулся вверх в сухой, невеселой усмешке. Вильгельм IV, параноик до мозга костей, нашел идеальный детектор ядов и успокоительное в одном лице. Элара же заперта в золотой клетке. Она злится, кусает губы, пытается придумать предлог, чтобы вырваться, вероятно, ко мне... а Король просто сидит и смотрит на нее, боясь закрыть глаза.

— Конец связи.

Я отпустил шнур. Бечева втянулась в стену с тихим свистом.

Значит, у меня есть время. Пока король использует лучшего лекаря королевства как живой оберег, она не сможет проверить мои ребра. Придется справляться самому.

Нужно умыться.

Я доковылял до медного таза с водой. От движений швы на повязке натянулись, заставив зашипеть сквозь зубы. Ополоснул лицо. Холодная вода смыла остатки сонливости и засохшую грязь охоты. На меня из зеркала смотрел не Шут. Лицо осунулось, под глазами залегли черные тени, кожа приобрела тот самый пепельный оттенок, который бывает у людей, долго балансирующих на грани смерти. Янтарные глаза казались слишком яркими на этом фоне. Живыми.

Вытерев лицо жестким полотенцем, я вернулся к столу. Нужно составить график патрулей для подземелий. Если Рой прячет Матку где-то в старых алтарях Единого Огня, нам придется резать камень фундамента вслепую.

Остаток вечера растворился в полумраке кабинета, превратившись в монотонный гул. Боль никуда не ушла — она просто спустилась в подвал моего восприятия, став фоновым шумом, сродни треску факела или капающей из крана воде. Тело смирилось со своей поломкой и перешло в режим энергосбережения.

Переговорный шнур грел ладонь. Я дергал его каждые полчаса: короткие приказы о смене патрулей в катакомбах, запросы данных из лаборатории анатомов, сводки из малого зала, где мои люди методично выжимали остатки самообладания из перепуганной знати. Карта на столе медленно покрывалась пометками углем. Красные линии перемещений сходились к одному сектору — Соборному кварталу.

К сожалению, пока всё вело к тому, что единственным подозреваемым оставалась сама Церковь. Чертовы фанатики. Они то ли борются с заразой, заливая пожар маслом, то ли сами подбрасывают хворост в костер ради «очищающего пламени». Неясно. Но то, что их действия сейчас намертво блокируют работу моих людей — это факт. Мы не можем перевернуть алтари Единого Огня без папской буллы, а Матка вполне может спать прямо у них под кафедрой.

Боковая панель стены скрипнула беззвучно. Я даже не

поднял головы от пергамента, лишь повел носом. Запах Иона изменился — исчезли уличная пыль и порох, остался только холодный камень старых вентиляционных шахт.

Он вошел через боковой проход. Темным лазом, которым никто не пользовался лет пять — кирпичная кладка там осыпалась еще во времена деда Вильгельма.

— Либо ты решил меня обокрасть, либо дворец снова течет по швам, — констатировал я, откладывая стилос.

Ион усмехнулся, стряхивая кирпичную крошку с плеча. В тусклом свете единственной свечи его лицо казалось вырубленным из серого камня.

— Скорее второе, шеф. Хотя красть у тебя особо нечего, кроме дурных манер. У тебя проблема под дверью.

— Мыши? — предположил я, хотя уже сам догадался о чём он.

— Хуже. Леди Меллис. Стоит там уже который час. Ругается шепотом. На всякую сволочь, которая пытается выпроводить её подальше «чтобы господин шут отдохнул». Цитирую дословно. Она пообещала кастрировать старшего лакея ржавым ланцетом, если он сделает еще шаг к ней со своим стаканом воды.

Я горько улыбнулся, прикрыв глаза. Сбежала таки. Король мог держать её за рукав сколько угодно, но Элара всегда была сделана из стали Пустошей. Как только статус пациента перешел из критического в стабильный, долг перед сюзереном уступил место долгу перед другом. Или чем-то большим.

Ион подошел к столу, наливая себе вина. Он пил стоя, не снимая плаща.

— Анатомы подтвердили: споры искусственные. Выращены в тепле, подкормлены кровью. Это лаборатория, Альд, а не лес. Кроули чистит хвост так усердно, что скоро стерилизует сам себя. Его мажордом раскололся после третьей кружки — инквизитор спускался в Старые Печи трижды за неделю. Куда именно — мажордом не знает, ключи есть только у святых отцов.

Я слушал, машинально потирая висок. Старые Печи — это нижние уровни собора, примыкающие напрямую к древним канализационным сбросам Роттенбургов. Идеальное место, чтобы спрятать артефакт... или живое сердце улья.

Когда Ион закончил, он подошел к тайной панели, собираясь уходить. Уже положив пальцы на рычаг замка, он обернулся. Взгляд стал непривычно серьезным, почти тяжелым.

— Ты бы пустил её, что ли, — тихо сказал лейтенант. — Мне больно смотреть на ваши игры. Королевский лекарь спит скрючившись на гнилом коврике в коридоре для прислуги. Если кто-то из кухонных мальчишек увидит это утром — позора не оберешься. Ей плевать на твой статус, ей плевать на короля. Там стоит девчонка, которой нужно убедиться, что её идиот все еще дышит.

Я смотрел на свои руки. На синие тени под ногтями от холода этого подземелья.

— Знаю, — голос прозвучал хрипло.

Я стоял посреди кабинета еще минуту, глядя на книжные полки. Идеальный порядок. Карты разложены по датам. Чернильница полна. Это логово паука, а не человека. Элара там, за стеной, сидит на полу у грязного коврика. Контраст был настолько оскорбительным для здравого смысла, что свело челюсти.

Нужно было сменить декорации.

Я прошел к противоположной стене, нажал на неприметный завиток резьбы камина. Секция книжного шкафа со скрежетом отъехала в сторону, открывая проход во вторую часть — «жилую». Я шагил внутрь и позволил панели встать на место, отрезая путь в кабинет. Если девчонка решит сунуть нос куда не просят, она найдет лишь бутылки из-под дешевого бренди и счета от портовых шлюх. Пусть лучше думает, что я умираю здесь, среди этого позора.

Фиктивные апартаменты Шута встретили меня привычным запахом прогорклого масла, скисшего вина и нестиранного белья. Настоящий свинарник, который я поддерживаю специально — разбросанные карты Таро с приклеенными к ним мухами, перевернутые чернильницы, оставляющие темные лужи на паркете, шелковые чулки какой-то фрейлины, висящие на канделябре вместо подсвечника. Но раз уж мне приходится встречать гостей в такой обстановке, хотя бы сам я должен выглядеть чуть более живым, чем труп.

Я содрал с себя окровавленную сорочку. Ребра тут же ото-

звались глухим звоном, словно кто-то ударил в медный колокол прямо внутри грудной клетки. Зашипев сквозь зубы, я натянул простую льняную рубаху без воротника. Она была чистой, но жесткой — слуги стирали её щелоком, экономя мыло. Плевать. Главное, что белым пятном выделяется на фоне общей грязи.

Медные волосы падали на лицо спутанными прядями. Я попытался пригладить их пятерней, бросил это бесполезное дело и просто провел рукой по лицу, стирая остатки сонливости. Маска Главы Теней требовала льда и стали. Сейчас сил хватало только на то, чтобы стоять прямо.

Я подошел к входной двери. Массивное дерево казалось непреодолимой преградой. Положил ладонь на холодный металл засова. Медленный выдох. Отодвинул щеколду.

Дверь открылась наружу, в коридор.

Элара сидела прямо на каменном полу, привалившись плечом к стене. При моем появлении она дернулась, едва не вскрикнув — слишком глубоко ушла в свои мысли или дремоту. Волосы выбились из строгой прически, превратившись в темное воронье гнездо вокруг бледного лица. Темные круги под глазами делали её похожей на жертву нападения. На бархатном дорожном платье проступила пыльца из коридорных ковров.

Я смотрел на неё сверху вниз, и горло перехватило горьким спазмом. Переживала. Сидела тут, слушая мою тишину через дубовую доску, пока кости крошились в труху. Глупая,

самоотверженная девчонка.

Она подняла голову. Её взгляд скользнул по моему лицу, задержался дольше обычного. Даже Элара, видевшая меня всяким, кажется, растерялась. Перед ней не было Шута. Не было кривляки с красным носом. Без грима, без фальшивой мимики, мое лицо выглядело пугающе пустым и жестким. Янтарные глаза казались почти черными в полумраке. Медные волосы, обычно смазанные жиром для парика, сейчас чуть пушились от статического электричества, выдавая крайнюю степень истощения нервной системы. Позу я держал автоматически — ровную, твердую, как стальной стержень. Боль стала частью архитектуры тела.

Она заслужила немного искренности. Притворяться перед той, кто несколько часов спала на пороге твоего ада — низко даже для Альда Вейнхольта.

Её губы дрогнули, готовые что-то спросить или выдать очередную лекцию о моей глупости, но слова застряли. Я заметил это, потому что привык замечать всё. Легкий румянец окрасил высокие скулы. Сначала я принял его за отсвет факелов из коридора, но потом понял: жар. Локализованный, внутренний. У неё снова поднялся пульс. Ей самой плохо? Истощение дара после короля?

Девушка тряхнула головой, сбрасывая секундное оцепенение, и решительно сделала шаг вперед, вглубь комнаты. Она не удивилась ни разбросанным картам, ни запаху — бывала здесь уже не раз, когда вытаскивала меня из запоев или

последствий покушений. Лишь поморщилась брезгливо, переведя взгляд на «постель» — продавленную койку с несвежим бельем.

Внутри меня рвануло так сильно, что мир качнулся. Желание открыть ей настоящую дверь стало физическим зудом, потребностью впустить её туда, где горит огонь в очаге и пахнет озоном. Показать себя. Доверие уровня клинка у горла.

Я пошатнулся, инстинктивно ища опору. Воздух стал густым.

Но Элара оказалась быстрее. Или просто внимательнее. Она метнулась ко мне, сокращая расстояние одним стремительным движением лекаря, бросающегося к падающему пациенту. Её прохладная ладонь легла мне на грудь, прямо над солнечным сплетением, упираясь ровно в ту точку, где ребро пыталось проткнуть легкое. Давление помогло — острая вспышка боли сработала как нашатырь, вышибая туман слабости. Я выпрямился, перехватывая её руку за запястье и мягко, но твердо отстраняя от себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.